

# ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат \* Избранное

Документальная серия. Выпуск 2

---

## **Хроника текущих событий**

**Выпуск 22**

---

**В. Чалидзе**

**„Ко мне пришел иностранец“**

---

**„Духовное прозрение“**

**Льва Краснопевцева**

ПОСЕВ 1972

# ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат \* Избранное

Документальная серия. Выпуск 2

---

## **Хроника текущих событий**

**Выпуск 22**

---

**В. Чалидзе**

**„Ко мне пришел иностранец”**

---

**„Духовное прозрение”**

**Льва Краснопевцева**

ПОСЕВ 1972

Документальная серия  
выходит 6 раз в год вместо  
Специальных выпусков «Посева»

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1972  
Frankfurt/Main  
Printed in Germany

**ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА  
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

**ХРОНИКА  
текущих событий**

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Всеобщая декларация прав человека,  
статья 19.

10 ноября 1971 г.  
ВЫПУСК № 22  
Год издания четвертый

## СОДЕРЖАНИЕ

- О вручении Нобелевской премии А. И. Солженицыну (5)
- Дело Владимира Буковского (7)
- К Международному съезду психиатров (9)
- Вести из Мордовских лагерей и Владимирской тюрьмы (13)
- По материалам областных газет (16)
- Движение за выезд в Израиль (19)
- Обращения в защиту прав человека (23)
- Краткие сообщения (28)
- Новости Самиздата (44)
- Письма и заявления (49)

## О ВРУЧЕНИИ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНУ

На проводившихся недавно инструктажах для руководителей пропагандистской сети научных учреждений высказывалась официозная версия те-перешней позиции Нобелевского комитета в связи с присуждением премии А. И. Солженицыну. Утверждалось, что Нобелевский комитет, обеспо-коенный протестами западной прогрессивной об-щественности, проявляет признаки растерянности и раскаяния в своем прошлогоднем решении и потому прекратил переписку с Солженицыным, затягивая решение вопроса о месте и сроке вручения ему ме-дали и диплома. Отношение западных писателей к Солженицыну характеризовалось рассказом о том, что он не был избран членом Пен-клуба даже после двукратного обсуждения этого вопроса Пен-клубом. Причиной неизбрания явились, по излагаемой официозной версии советских властей, выступления нескольких писателей, назвавших Солженицына «политиком». Как доказательство политической обусловленности решения Нобелевского комитета упоминался известный отказ Сартра от выдвижения его на Нобелевскую премию. Отказ этот, имевший место, как известно, еще до присуждения премии Шолохову, интерпретировался как обвинение в «по-литиканстве» Нобелевского комитета.

21 марта 1971 г. А. И. Солженицын направил пред-седателю Нобелевского фонда Нильсу К. Столе письмо, в котором он протестовал против данного г. Столе объяснения мотивов отказа Солженицына от прочтения Нобелевской лекции и просил довести

до сведения общественности истинные мотивы этого отказа, заключающиеся в том, что Солженицыну «... оказался чужд самый жанр лекции по литературе — говорить о природе искусства, творчества, красоты и избегать обширных суждений о современной социальной жизни и язвах ее», почему он, не желая нарушать Нобелевскую традицию, и отказался от представления лекции, на что Шведская Академия и Нобелевский фонд оставили ему право.

22 октября 1971 г. Солженицын направил секретарю Шведской Академии Карлу Р. Гирову и Нильсу К. Столе письмо с выражением благодарности за присланное ему «Сообщение для прессы» от 7 октября с. г. с подтверждением указанного в «Сообщении» факта, что еще в 1970 г. посол Г. Ярринг в числе других вариантов предлагал передать Солженицыну Нобелевские диплом и медаль в шведском посольстве в Москве, но не в рамках какой-либо церемонии, а конфиденциально. Как уже общал Солженицын в своем письме Нобелевскому фонду от 27 ноября 1970 г., такое предложение кажется ему унижительным для Нобелевской премии; в настоящем письме он подтверждает эту свою позицию, просит (в согласии с правилами Нобелевского фонда) оставить его Нобелевские знаки для дальнейшего хранения в Нобелевском фонде, в надежде, что когда-нибудь обстоятельства будут благоприятствовать традиционной публичной Нобелевской церемонии, и приносит глубокие извинения за то, «что невольно послужил причиной излишних беспокойств и забот», которых его адресаты не испытывали с большинством предшественников.

## ДЕЛО ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО

В связи с направлением Владимира Буковского (о его аресте см. Хронику № 19) на экспертизу в Институт им. Сербского группа его друзей и знакомых обратилась к директору Института им. Сербского и во Всемирную организацию здравоохранения с открытым письмом, в котором отмечается психическое здоровье Буковского, цельность его характера, оптимизм, отзывчивость, мягкость и другие душевные качества, свидетельствующие о его психической устойчивости. Заявляется, что признание Буковского невменяемым означало бы преступление. Письмо подписали 48 человек\*). 5 октября 1971 года к письму присоединились академик М. Леонтович и академик А. Сахаров. К директору Института им. Сербского Г. Морозову 4 октября обратился также член СП СССР В. Е. Максимов, у которого Буковский работал до ареста. Характеризуя Буковского в нравственном и деловом отношении как образец чести и порядочности, В. Е. Максимов также особо отмечает его цельность и душевное здоровье. Мать Буковского обратилась в Международный комитет защиты прав человека в Париже (копия послана мадам Помпиду) с телеграммой: «Я уверена в невинности моего сына. Призываю использовать для его защиты все законные пути, в том числе контакты с советскими руководителями». В конце октября с. г. было распространено Открытое обращение ко всем организациям защиты прав человека, в котором отмечается, что, в нарушение Инструкции о производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР, Буковский был оставлен

---

\*) Полный текст см. «Посев» № 10 за 1971 г. — Ред.



в Институте им. Сербского и после истечения второго месячного срока, что с момента ареста (29 марта 1971 г., за день до открытия XXIV съезда КПСС). Буковский находится в полной изоляции от мира, что вызывает, поскольку он находится в руках тех самых экспертов, преступную недобросовестность которых он публично разоблачил перед лицом всего мира, — законное опасение, не осуществляется ли уже сейчас насильственное «лечение» Буковского, разрушающее его психику и интеллект. Авторы обращения (53 подписи) призывают все организации защиты прав человека и всех людей доброй воли выступить с требованиями: 1) немедленно прекратить затянувшуюся экспертизу и официально сообщить ее результаты матери Буковского; 2) предоставить матери Буковского свидание с сыном, чтобы она могла убедиться, что он здоров и к нему не применяются незаконные действия; 3) уже сейчас, в период производства следствия, допустить к делу адвоката, услугами которого хотели бы воспользоваться Буковский и его мать. 7 ноября к обращению присоединился член Комитета прав человека акад. А. Сахаров, а 8 ноября — член Комитета прав человека чл.-корр. АН СССР И. Шафаревич; оба они специально оговаривают свою солидарность с действиями Буковского, направленными на преодоление возможности использования психиатрии для борьбы с инакомыслящими.

10 ноября стало известно, что В. Буковский признан вменяемым и переведен в Лефортовскую тюрьму.

## К МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ ПСИХИАТРОВ

◇ 16 сентября 1971 г. английская газета «Таймс» напечатала письмо, подписанное проф. Ф. А. Дженнером и другими английскими психиатрами (всего 44 подписи) по поводу опубликованного в «Таймсе» 12 марта обращения В. Буковского к западным психиатрам\*). В. Буковский «просил их изучить официальные медицинские и другие документы, которые он приложил к своему письму, по поводу содержания, главным образом в тюремных больницах, людей, протестовавших против некоторых действий советского правительства». В своем письме (цитируемом по «Таймс») Буковский писал: «Я понимаю, что на расстоянии и без достаточного количества необходимых клинических материалов чрезвычайно трудно выяснить, в каком психическом состоянии находится человек, так же, как установить диагноз или предположить отсутствие болезни. Поэтому я прошу вас высказать свою точку зрения только по такому вопросу: содержат ли эти психиатрические документы достаточное количество научно обоснованных фактов, на основании которых можно сделать вывод не только о заболеваниях, указанных в этих документах, но и о том, что людей, о которых идет речь, необходимо полностью изолировать от общества». Проф. Дженнер и его коллеги по кафедре психиатрии Шеффилдского университета пишут, что изучив документы экспертиз П. Григоренко, И. Яхимовича, Н. Горбаневской, В. Файнберга, В. Борисова, В. Кузнецова, они «выразили глубокое сомнение в законности принудительного лечения упомянутых 6 лиц, а также содержание их в течение неизвестного

---

\*) Полный текст см. «Посев» № 10 за 1971 г. — Ред.

времени в условиях тюремных психиатрических больниц». «Мы думаем, — пишут далее авторы письма в редакцию, — что диагнозы этим 6 лицам были поставлены только из-за их действий, которые они предпринимали в защиту основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и гарантированных советской конституцией». И далее: «Злоупотребление психиатрией в политических и иных целях является страшной опасностью не только в СССР, но и повсюду.

Мы также особенно надеемся, что советское правительство пересмотрит дело В. Буковского, который, по-видимому, страдает в связи со своим мужественным обращением. Информация, которой мы располагаем в отношении Буковского, свидетельствует, что он относится к числу людей, которые доставляют затруднения властям в любой стране. Он не пойдет на компромиссы из-за жизненных благ, а будет выражать свои убеждения даже в тех случаях, когда он твердо знает, что ему самому угрожает опасность. Но вклад таких людей часто бывает значителен, и они заслуживают соответствующего отношения. Поскольку он обратился к нам по поводу людей, которые, как и он сам, как он считает, являются жертвой бесчестной психиатрической практики, мы полагаем, что ответить ему молчанием будет не только несправедливо, но и бесчеловечно... Создается впечатление, что в обращении с советскими инакомыслящими в психиатрических больницах применяются как карательные меры, так и чрезвычайно опасные сильнодействующие лекарства, что не может не вызвать глубокой тревоги. Поэтому мы призываем наших коллег во всем мире изучить объемистые материалы, которые имеются в нашем распоряжении, обсудить их с советскими коллегами,

многие из которых, как мы знаем, испытывают сомнения аналогичные нашим, и поднять этот вопрос, как просил В. Буковский, на международных конференциях, таких как международная конференция психиатров, которая состоится в Мехико с 28 ноября по 4 декабря».

◇ 30 октября 1971 г. «группа интеллигентов Литвы» обратилась с письмом к Международному конгрессу психиатров. В письме упоминается, что с 1944 по 1953 гг. в вооруженной борьбе против советской власти погибло около 50 тысяч литовцев-партизан и еще столько же погибло в тюрьмах и ссылках (всего было сослано около 350 тыс. человек, т. е. шестая часть населения Литвы). Среди политических заключенных было много душевнобольных, которых никто не лечил...

Теперь же, говорится в письме, начинают «лечить» здоровых людей. Авторы письма приводят имена нескольких литовцев, подвергшихся принудительному лечению в психиатрических больницах:

Альгис Статкявичус, социолог, арестован 18 мая 1970 г. за ряд книг, охарактеризованных работниками КГБ как книги о «красном фашизме» (длгое время был в тюремной больнице «Лукишки», затем переведен в Вильнюсскую психиатрическую больницу);

Ябласкус, арестованный в 1971 г. за распространение листовок (Каунасская психобольница);

Вацлав Севрук, не допущен к экзаменам по философии в аспирантуру Вильнюсского университета... из-за «мании марксизма и правдоискательства»;

Учитель литовского языка и литературы, завуч Биржайской средней школы (фамилия неизвестна),

арестованный в июне 1971 г. и содержащийся в психобольнице за написание книги о партизанской борьбе литовцев, которую он пытался послать за границу.

◇ В «Известиях» от 24 октября 1971 г. напечатана статья К. Брянцева «Лжерадетели в трясине клеветы», где утверждается, что помещение душевно здоровых людей в психиатрические больницы Советского Союза является «клеветническим измышлением».

В Самиздате появился анонимный отклик на эту статью. Автор отклика убежден в необоснованности диагнозов, поставленных В. Новодворской и Ж. Медведеву (см. Хронику №№ 13, 14).

«Все другие акты судебнопсихиатрических экспертиз, которые удалось рассмотреть... специалистам, — пишет автор, — так же точно не содержат никакой серьезной научной аргументации, а в описательной своей части содержат зачастую крайне грубо подтасованные факты». Недобросовестность экспертиз, по мнению автора, есть, с одной стороны, результат вмешательства следственных органов, а с другой — результат торжествующих в советской психиатрии «идей Снежневского», которые рядом видных советских психиатров признаны «совершенно ненаучными и фантастическими». Эти идеи, пишет автор, «вкратце можно охарактеризовать как беспредельное расширение диагностики крайне спорной по своим признакам болезни, получившей название «шизофрения».

«Торжество идей Снежневского» (проф. А. В. Снежневский — директор Института психиатрии АМН СССР, действительный член АМН, «фактически монопольный руководитель всей психиатрической

кой науки в СССР») — было обеспечено в начале 50-х гг., после так называемой «павловской сессии» АН и АМН СССР, повлекшей за собой грубые административные репрессии против виднейших советских ученых по обвинению в «антипавловской деятельности».

«Результатом... бесконтрольного хозяйничания Снежневского в советской психиатрии явилось создание им «школы» — множества практикующих врачей, в том числе — и судебно-психиатрических экспертов, которые, вопреки очевидности и многовековому психиатрическому опыту, ставят диагноз «шизофрения» там, где для этого нет никаких оснований».

#### ВЕСТИ ИЗ МОРДОВСКИХ ЛАГЕРЕЙ И ВЛАДИМИРСКОЙ ТЮРЬМЫ

\* С 7 по 14 августа держал голодовку Юрий Вудка (19 л/о); мотив голодовки — запрещение администрацией иметь в лагере Библию.

\* 21-23 августа во Владимирской тюрьме держали голодовку В. Ронкин, Л. Квачевский, А. Родыгин, В. Вудка, Б. Шилькрот (когда он был доставлен из Мордовии во Владимир, неизвестно). Голодовка была приурочена к годовщине ввода войск в Чехословакию.

\* В сентябре на 19 л/о Дубровлага также проходила голодовка в связи с немотивированным этапированием Александра Романова (см. о нем в Приложении к Хронике № 17. Осужден по делу «саратовцев») во Владимирскую тюрьму. В голодовке принимали участие А. Альтман, Ю. Вудка, М. Капранов, С. Хахаев, И. Чердынцев, М. Шепшелович и другие — всего 14 человек.

\* На 3 л/о Дубровлага в сентябре голодало несколько человек; причина — произвольное сокращение свиданий.

\* 10-12 сентября на 17 л/о Дубровлага держали голодовку Н. Бондарь, Г. Гаврилов, Ю. Галансков, С. Грилюс, Н. Иванов, И. Менделевич, А. Чеховской, Г. Шур и др. в знак протеста против издевательств над родственниками заключенных (незаконное сокращение личных свиданий, передач и т. п.).

\* Во Владимирской тюрьме в сентябре тяжело заболел латыш Гунар Роде («дело Балтийской федерации»). 7 дней ему не оказывали медицинской помощи, лишь после голодовки протеста товарищей он был доставлен в тюремную больницу, где ему сделали операцию. Диагноз — заворот кишок. Г. Роде был выписан через неделю после операции и поставлен на общее питание, только через некоторое время замененное диетой.

\* В сентябре Леонид Бородин (Владимирская тюрьма) голодовкой добился перевода из камеры, где он сидел вместе с душевнобольным Тарасовым. После голодовки Бородину, у которого язва желудка, не дают диетпитания.

\* Резко ухудшилось состояние здоровья Сильвы Залмансон: прогрессирует глухота и слепота. Сейчас она находится в лагерной больнице.

\* В сентябре л/о 17-а посетила комиссия, в состав которой входили: секретарь МГК КПСС Соколов, сотрудник прокуратуры СССР Фунтов\*), доктор юридических наук Б. Н. Топорнин, доцент МГУ А. И. Косачев, сотрудник института экономики А. И. Ар-

---

\*) Фунтов Николай Иванович ст. пом. прокурора г. Москвы. — Р е д.

тилов, мастер завода «Шарикоподшипник» (имя неизвестно) и работник КГБ при СМ СССР П. П. Бардов.

Члены комиссии беседовали с политзаключенными: Г. В. Гавриловым, Ю. Т. Галансковым, Н. В. Ивановым, В. К. Павленковым и Ю. П. Федоровым (возвращен в лагерь из Владимирской тюрьмы в 1971 г.). Тема беседы — досрочное освобождение вышеназванных заключенных. Политзаключенные потребовали полной своей реабилитации.

\* В лагерь ЖХ 385/3 прибыл В. Симокайтис (см. о нем в Хронике № 18). В начале апреля 1971 г. Симокайтис из камеры смертников литовской тюрьмы был переведен в Лефортово (Москва), где провел около 3 месяцев. В начале июля 1971 г. смертная казнь была заменена на 15 лет лагерей строгого режима. Интересно, что западные агентства уже в середине января сообщили об этом как о свершившемся факте.

\* Литовский моряк Симас Кудирка, осужденный за попытку бегства с советского корабля на американский (см. Хронику №№ 18-20), находится на 3-ем л/о Дубровлага. Недавно Кудирка был лишен ларька за отказ посещать политзанятия. В сентябре с Кудиркой беседовали проезжавшие по Дубровлагу члены «делегации литовской общественности». Они настаивали на том, чтобы Кудирка признал себя преступником, угрожали в противном случае изобразить его в литовской печати как аморальную личность.

\* Из участников «еврейских процессов» в Мордовских лагерях к началу октября 1971 г. находились: 3 л/о — С. Дрейзнер, В. Залмансон, И. Залмансон, С. Левит, В. Могилев.



3 женское л/о — С. Залмансон, Р. Александрович (7 октября — освобождена).

17 л/о — А. Волошин, Л. Хнох, А. Шпильберг.

17/а л/о — И. Менделевич, Г. Шур.

19 л/о — А. Альтман, А. Гальперин, А. Гольдфельд, Л. Каминский, Х. Кижнер, Л. Коренблит, Б. Пэнсон, М. Шепшелович, Л. Ягман.

10 л/о (особый режим) — Э. Кузнецов, А. Мурженко, Ю. Федоров.

М. Бодня тоже находится в Мордовии, но в «бытовом» лагере усиленного режима.

\* 1 ноября 1971 г. начальник Управления ЖХ 385 (Дубровлаг) А. Осипов отказал в ходатайстве матери Э. Кузнецова — Зинаиде Васильевне Кузнецовой, просившей предоставить своему сыну свидание с его женой С. Залмансон, находящейся на другом лагпункте того же лагеря. Кузнецову по режиму положено одно личное и одно общее свидание в год. Поскольку З. В. Кузнецова тяжело больна (она недавно перенесла инсульт, практически парализована) и находится в доме инвалидов, а потому приехать на свидание не может, она 18 сентября 1971 г. обратилась в Главное управление мест заключения МВД СССР с упомянутым ходатайством. Просьба была переслана начальнику ЖХ 385 Осипову и им отклонена.

## ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЛАСТНЫХ ГАЗЕТ

Одесса.

В газете «Знамя коммунизма» 6 марта 1971 г. помещена (за подписью И. Петренко) статья «С кем же

вы, Строкатова?», в которой сообщается, что Нина Антоновна Строкатая\*) жена Святослава Караванского (см. Хронику № 18), отбывающего второй срок во Владимирской тюрьме, — собиралась защищать диссертацию в Центральной научно-исследовательской лаборатории Одесского мединститута, где она работала (в настоящее время — уволена) младшим научным сотрудником. Однако ее планы были нарушены бдительностью одесских ученых-медиков, принявших за директиву к действию частное определение Судебной коллегии Владимирского облсуда, которое «доводит до сведения ректора Одесского мединститута ряд фактов для принятия мер общественного воздействия в отношении Строкатой Н. А. в целях воспитания у нее чувства высокого патриотического долга как гражданина СССР». Факты эти состоят в том, что «Строкатая... давно зная об антисоветской деятельности своего мужа Караванского, поддерживая с ним связь письменно и при встречах, не принимала никаких мер воздействия на него с целью прекращения с его стороны антисоветской деятельности и по существу своим поведением способствовала ее проведению». Автор статьи одобряет действия ректора Одесского мединститута, приостановившего дальнейшее продвижение диссертации Строкатой, отказавшейся отречься от своего мужа, обвиняет ее в соучастии и угрожает: «Еще не поздно — выбирайте, по какую сторону вам оставаться. Неумолимое время не ждет».

### *Симферополь.*

В «Крымской правде» 17 октября 1971 г. в статье «Злопыхатели» (авторы — Е. Первомайская и И. Не-

---

\*) Арестована 8. 12. 1971 г. на одесском аэродроме по возвращении из Нальчика. — Р е д.

красов) сообщается о двух очень похожих судебных делах: в обоих случаях (Севастополь и Керчь) главным обвиняемым является «анонимщик» (в первом случае — И. Н. Слишевский, во втором — Н. И. Якувенко) привлеченный к суду за клевету на советскую власть, но признанный судебнопсихиатрической экспертизой невменяемым и помещенный в спецпсихобольницу. Соучастники же (в Севастополе — Н. А. Нездийминова, в Керчи — В. П. Чаковский) в обоих случаях приговорены к 4 годам лишения свободы в ИТЛ строгого режима (первый с последующей ссылкой на 3 года); по каким статьям осуждены обвиняемые, газета не указывает, но дополнительная мера наказания — ссылка — указывает на вменение ст. 70 УК РСФСР\*). В обоих случаях были и не привлеченные к делу свидетели (в Севастополе — Т. Заблоцкая, в Керчи — рабочие А. Д. Кутищев, В. И. Обнорский, Г. Е. Пономарев, В. Ф. Бойченко), которым Первомайская и Некрасов — авторы статьи в газете — предлагают «вынести себе самим приговор, действуя по законам гражданской, рабочей совести».

### *Самарканд*

В областной газете в сентябре 1971 г. под рубрикой «Из зала суда» помещена статья Ю. Кружилина «Клеветать не позволим» (ее подзаголовок «На выездном заседании в клубе Горпищеторга народный суд Самарканда слушал дело об анонимщице»). Судья — Е. И. Додуев, обвинитель — А. К. Александриянц, адвокат — И. Б. Бетман; ст. 191<sup>4</sup> УК УзССР (190<sup>1</sup> УК РСФСР). И далее в статье рассказывается, как в феврале 1971 г. некая Эмилия Трахтен-

---

\*) Крымская область относится к УССР, поэтому следует читать: ст. 62 УК УССР. — Р е д.

берг послала письмо на имя председателя Совета министров СССР, а в марте 1971 г. было письмо в МИД СССР, в которых она писала об угнетенном положении евреев, об отсутствии права на выезд в Израиль. Суд эти письма признал клеветническими, но каким образом письма Трахтенберг, адресованные в высокие инстанции, попали в суд — автор статьи не сообщает. «Приговор — три года. Кто-то говорит: «Мало». — «Нет, не мало, но справедливо», — комментирует Ю. Кружилин.

Эмилия Рувимовна Трахтенберг родилась в Киеве. Отец был художником, мать — врачом. Оба погибли в Бабьем Яру. Э. Трахтенберг окончила педагогический институт, работала в школе библиотекарем, затем заведующей детской библиотекой. В статье Ю. Кружилин гитлеровских убийц в Бабьем Яру сравнивает с Трахтенберг, которая, по мнению автора, проповедовала национальную исключительность.

## ДВИЖЕНИЕ ЗА ВЫЕЗД В ИЗРАИЛЬ

16 сентября группа московских евреев (36 человек) пришла в ЦК и вручила письмо с требованием, чтобы один из членов Политбюро принял их по вопросу о выезде в Израиль. В письме указывались случаи нарушения законности. Начальник канцелярии ЦК Тихомиров обещал дать ответ на следующий день. 17 сентября представителям группы было объявлено, что письмо направлено в МВД, но они продолжали настаивать на приеме именно в ЦК.

20 сентября пять человек из группы были приняты работником аппарата ЦК — А. И. Ивановым в присутствии зам. министра внутренних дел генерала Шукаева и полковника Овчинникова (ОВИР).

Приглашенные на прием заявили, что пришли не для решения своих личных вопросов. Они сказали: «Мы считаем, что евреи имеют право на выезд в Израиль независимо от вызовов, посланных близкими или родственниками». В тех случаях, когда вызовы уже посланы, они часто не доходят до адресатов; евреи, подавшие заявления о выезде, подвергаются внесудебным преследованиям. Начинаются они, как правило, с противоречащей здравому смыслу «проблемы» получения характеристики с места работы. Произвольно затягиваются сроки рассмотрения поданных заявлений. Много необоснованных отказов.

А. И. Иванов заявил: «Сотни евреев с марта 1971 г. выехали из Советского Союза в Израиль, но решение вопроса о выезде может решаться в каждом конкретном случае представителями советского государства с учетом интересов государства, например, недопустима «утечка мозгов».

Представители МВД заверили, что органы МВД помогут устранить трудности с получением характеристик и согласились с недопустимостью антисемитской атмосферы на собраниях, где разбираются заявления о выезде.

Иванов предупредил, что любые коллективные действия будут рассматриваться как попытка давления на государство и что таковые могут только осложнить решение вопроса. Вообще право решать вопрос о выезде предоставлено МВД, так что незачем стучаться во все ведомства.

Участовавшие в беседе евреи заметили, что право обращаться в любые государственные и партийные учреждения по любым вопросам гарантировано законом.

28 сентября в Политбюро ЦК КПСС было подано заявление со 120-ью подписями евреев из Москвы, Риги и Вильнюса, в котором выражалось полное неудовлетворение данными А. И. Ивановым «разъяснениями»; подписавшие заявление вновь настаивали на приеме их одним из членов Политбюро или секретариата ЦК. Ответа на заявление не поступило.

25 октября — 92 жителя Москвы, Гурзуфа, Вильнюса, Риги, Каунаса, Ленинграда, Кишинева подали заявление в Политбюро, отмечая, что за истекшие полтора месяца не произошло никаких изменений в сторону устранения указанных в предыдущих письмах нарушений законности.

В 12 часов дня авторы заявления подошли к зданию приемной ЦК и подали заявление. И сразу же после подачи были задержаны, посажены в автобусы и отведены в вытрезвитель № 9 на станцию метро «Войковская». Часа через четыре начались допросы. Все обвинялись в мелком хулиганстве (мешали работе госучреждений и не подчинялись требованиям милиции). Все допрашиваемые отказались подписать протоколы допросов, протестовали против предъявленного обвинения. Вскоре все, кроме прибалтов, были выпущены. Евреев из Прибалтики увезли на вокзал и отправили по месту жительства.

17 октября 1971 г. кинорежиссер Михаил К а л и к\*) возвратил Президиуму Верховного совета СССР орден «Знак Почета», которым он был награжден за заслуги в развитии советской кинематографии 8 июня 1960 г. В письме на имя Подгорного Калик пишет: «...Мои попытки воплотить на экране национальный характер, сюжеты, темы, связанные с жизнью и историей моего многострадального народа,

---

\*) Выехал в Израиль 14. 11. 1971 г. — Р е д.

натолкнулись на равнодушие, непонимание, а подчас и злобу... Считая это безнравственным, я решил осуществлять далее свои творческие замыслы на земле предков, духовную связь с которой не терял никогда. Почти год назад я подал документы на выезд в государство Израиль — на основе советской конституции и Декларации прав человека. Но я столкнулся с произволом, ложью и даже намерением сфабриковать против меня уголовное дело... Я возвращаю вам орден в знак решительного протеста против произвола, в знак непоколебимой воли продолжать борьбу за мое право человека, художника, еврея».

*Хроника* располагает стенограммой заседания кафедры высшей математики Московского инженерно-строительного института им. Куйбышева от 26 октября 1971 г. Повесткой дня является вопрос о выдаче характеристики в ОВИР сотруднику кафедры — доценту, кандидату физ.-мат. наук В. А. Гаухману.

Небольшие отрывки из выступлений коллег В. А. Гаухмана не требуют комментариев:

«Сейчас он совершил антипатриотический антисоветский поступок, достойный самого сурового осуждения. Поступок, несовместимый с высоким званием преподавателя высшего учебного заведения» (зав. кафедрой, проф., доктор физ.-мат. наук С. Я. Хавинсон). «Главное в его платформе — национализм. Хорошо известно, что национализм ведет к фашизму и кончается газовыми камерами и крематориями» (В. В. Зорин). «Этот поступок перекликается с бандитскими выстрелами по детям в здании советского представительства при ООН» (Л. Я. Цлаф). И одна из присутствовавших на собрании: «Я считаю поступок В. А. Гаухмана проявлением

принципиальности, честности и гражданского мужества».

Ответ В. А. Гаухмана: «Я — еврей, хочу жить среди моего народа в еврейском государстве и принять участие в созидательном труде на благо своей родины... Мое сердце и моя совесть говорят мне, что я должен жить и трудиться в Израиле, на своей исторической и национальной родине».

Решение заседания: 1. Гневно осудить поступок В. А. Гаухмана как антипатриотический и антисоветский. 2. Уволить В. А. Гаухмана с работы как идеологически чуждого человека и ходатайствовать о лишении его звания доцента и звания учителя. 3. Единогласно исключить из членов профсоюза.

## ОБРАЩЕНИЯ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

24 октября Петр Якир обратился с письмом к Ж. Помпиду и Л. И. Брежневу, в котором он выражает убеждение, что парижские переговоры приведут к дальнейшему прогрессу в утверждении мира на земле и в отношениях между Францией и СССР. Далее П. Якир выражает мнение, что одним из препятствий на пути к взаимопониманию и взаимоуважению является преследование инакомыслящих в СССР, характеризуемое им как пережиток сталинской эпохи, от которого можно избавиться на прочной основе решений XX съезда КПСС. «Тем более обидно сознавать, — говорится в конце письма, — что сотни наших современников вынуждены переносить ужасные условия тюрем и лагерей только за то, что их политические и философские убеждения расходятся с официальными установками». В постскрипуме автор письма перечисляет фамилии знакомых ему лиц, находящихся за свои по-



литические убеждения в тюрьмах, лагерях, ссылке и в тюремных психобольницах; упоминает о статье К. Брянцева «Лжерадетели в трясине клеветы» в «Известиях» (23. 10. 1971 г.), «пытающейся оправдать порочные методы заключения в психиатрические больницы здоровых людей за убеждения»; выражает в этой связи сомнение в возможности объективной психиатрической экспертизы над В. Буковским (см. Хронику № 19 и настоящий выпуск) и в оправдании Буковского и Емелькиной (см. Хронику № 20), выступившей в защиту Буковского и других политзаключенных в СССР.

*Обращение В. Чалидзе в Президиум Верховного совета Литовской ССР*

Анализируя обстоятельства, связанные с арестом Ю. Здебскиса, автор приходит к выводу, что действия ксендза Здебскиса (см. Хронику № 21 и настоящий выпуск) не противоречат ни одному из действующих в Советском Союзе законов, арест же его, напротив, не только нарушает ратифицированную СССР Конвенцию о борьбе с дискриминацией в области образования, но и является уголовно наказуемым деянием, подпадающим под действие ст. 145 УК ЛитССР. Автор выражает надежду, что «Президиум, изучив общесоюзные и международные гарантии прав верующих, воспользуется своим правом и пресечет преследование ксендза Здебскиса».

*Письмо В. Чалидзе генеральному директору ЮНЕСКО Рене Майо*

В связи со своим письмом в защиту Ю. Здебскиса — В. Чалидзе сообщает своему адресату, что практика убедила его «в том, что в СССР отсутствует

действенная процедура применения норм этой конвенции к рассмотрению местных казусов» и просит разъяснений по поводу «мер, предпринятых Советским Союзом для законодательного и административного обеспечения прав, прокламированных Конвенцией» и «консультативных возможностей ЮНЕСКО по содействию отдельным странам в принятии мер по имплементации упомянутых прав», выражая надежду, что такие разъяснения помогут ему «более квалифицированно пытаться содействовать дальнейшему прогрессу в этой области» (24 октября 1971 г.).

*Письмо В. Чалидзе в Верховный суд УССР  
по делу Рейзы Палатник*

Отмечая, что приговор Одесского суда по делу Р. Палатник (см. Хронику №№ 17, 20) основан на признании криминальными некоторых произведений А. Ахматовой, Л. Чуковской, А. Галича, О. Мандельштама, автор задает Верховному суду УССР вопрос: «Одобрит ли он неправоудный приговор или оправдает Р. Палатник, Мандельштама, Ахматову?..» (31 июля 1971 г.).

*Заявление для прессы В. Чалидзе*

В заявлении сообщается, что «в первом полугодии 1971 г. Комитет прав человека в Москве изучил ряд документов по проблеме прав лиц, признанных психически больными, в частности, доклад Р. Медведева, мнения А. Вольпина и В. Чалидзе». «Комитет считает, что в нормах о процедуре ограничения прав упомянутых лиц необходимо конструктивно учитывать неопределенность понятия психической болезни». «Комитет отметил, что несовершенство гарантий прав психически больных

создает опасность нарушений прав человека в целях опорочения неортодоксальных научных, социальных, политических и философских идей посредством признания авторов этих идей психически больными». Комитет обратился в ряд советских учреждений и к Пятому всемирному конгрессу психиатров с призывом содействовать усовершенствованию гарантий обсуждаемых прав. Сообщается, что все упомянутые документы Комитета опубликованы в 11 выпуске журнала «Общественные проблемы» (см. Хроника № 21). (10 сентября 1971 г.).

*Открытое обращение\*) А. Д. Сахарова к членам  
Президиума Верховного совета СССР*

Напоминая о «трагических коллизиях, возникающих в связи с трудностями выезда из СССР граждан, желающих переселиться в другую страну, о правовых, социальных, психологических и политических аспектах этой проблемы», о суровых приговорах по делам «тех, кто, потеряв надежду на удовлетворение своих стремлений в рамках закона, решились на его нарушение в той или иной форме» (в связи с чем упоминается ленинградское дело о попытке угона самолета, дело Симаса Кудирки и дело Дмитрия Михеева и швейцарского гражданина Франсуа де Перрего) и о том, что лица, стремящиеся к выезду, оказываются в положении граждан «второго сорта» в отношении реализации своих прав (здесь упомянуты дела Р. Палатник и В. Кукую), — автор Обращения призывает своих адресатов проявить инициативу в содействии решению обсуждаемой проблемы в демократическом духе, исправлению статьи УК об измене родине, предотвращающему возможность неправомерного рас-

---

\*) Полный текст см. «Посев» № 10 за 1971 г. — Ред.

ширения этого понятия, амнистии всем гражданам, осужденным в связи с попыткой выезда из страны, освобождению от принудительного лечения в специальных психиатрических больницах лиц, помещенных туда по той же причине.

24 октября 1971 г. В. Чалидзе обратился с письмом к министру внутренних дел СССР — Щелокову с просьбой дать разъяснения начальнику лагеря ЖХ-385/17а (пос. Озерный) Гаркушову, ревизовавшему этот лагерь летом с. г., полковнику Платонову и сержанту Каширскому относительно того, что согласно конституции гражданам СССР гарантирована свобода отправления религиозных культов, а также разъяснение того очевидного факта, что под отправлением культа следует понимать исполнение всех обрядовых и этических предписаний религии, и что граждане могут быть ограничены в этом, если лишь они нарушают общественный порядок или посягают на права других лиц. Поводом для обращения Чалидзе послужило полученное им письмо заключенного Менделевича, где сообщалось, что 27 июля с. г. Каширский вследствие недовольства, выраженного Платоновым и Гаркушовым по поводу того, что Менделевич носит ермолку, сорвал ермолку у него с головы. В письме Чалидзе обращается внимание на ряд других незаконных ущемлений прав заключенных в связи с их желанием отправлять религиозные обряды (в частности, на ограничения в получении заключенными религиозных книг). Отметив, что в своих рассуждениях он предпочитает использовать правовые доводы, Чалидзе, однако, считает бесполезной ссылку «и на соображения социальной пользы: основной тезис советской пенитенциарной политики — перевоспитание заключенного. При этом очевидно, что некультур-

ный человек (или учреждение) не может претендовать на авторитет воспитателя. Способность же уважать убеждения и этические стандарты других людей — основной признак культуры. Вряд ли воспитуемые осужденные признают культурным администратора, не способного признать право (и религиозную обязанность) иудея — ходить в ермолке, мусульманина — закрывать на время сна лицо платком, если недостижимо уединение, христианина — носить нательный крест и т. п. Любые конструктивные шаги по защите прав заключенных исповедовать религию, — заключает письмо В. Чалидзе, — были бы разумны, гуманны и соответствовали бы международным правовым рекомендациям (см., например, Правила-минимум содержания заключенных, резолюция Конгресса ООН, 1955 г.).

## КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

• 27 января 1971 г. в селе Петричах, Бусского района, Львовской области, арестован учитель украинского языка и литературы Остап Пастух. Об О. Пастухе известно следующее: ему около 40 лет, окончил филологический ф-т Львовского университета, женат (жена — преподаватель русского языка в том же селе), имеет 2 детей. В 1967 г. Пастух был арестован по доносу директора школы села Накраше, где Пастух тогда работал. Причиной ареста послужили разговоры и настроения Пастуха, которые показались директору националистическими. Против Пастуха было сфабриковано дело по ст. 166 УК УССР (превышение власти или служебных полномочий). Его осудили на 5 лет лишения свободы и 5 лет запрещения педагогической деятельности.

Но кассационный суд отменил приговор.

28 января в доме Пастуха был проведен обыск, ничего не нашли и ничего не изъяли. Пастуху предъявили обвинение по ст. 187<sup>1</sup> УК УССР (190<sup>1</sup> УК РСФСР). Первое время следствие вел следователь Львовского УКГБ Яресько...

21 апреля 1971 г. по этому же делу арестован житель г. Львова Семен Корольчук, врач-гинеколог Института охраны материнства и младенчества, 1930 г. р. Корольчуком КГБ начало заниматься в 1967 г. по делу УНФ (Украинский народный фронт). Как ведут себя обвиняемые — неизвестно. (Выдержки из «Украинского вестника» № 5).

• В ночь с 29 на 30 апреля 1971 г. на водонапорной башне в г. Новый Раздол был вывешен желто-голубой флаг (Украинской Народной Республики). Флаг сняли только в полдень 30 апреля. Через день был арестован 18-летний Петр Медведь, ученик слесаря из Раздольского горного комбината.

П. Медведя держат в тюрьме КГБ во Львове. От него требуют признания, что именно он повесил флаг. На свидании Петр жаловался матери, что его бьют. («Украинский вестник» № 5).

• Судебный процесс над гуцулом Николаем Супенюком.

27 июля 1969 г. состоялся районный суд в селе Верховине (Ивано-Франковской области). Обвинение по ст. 187<sup>3</sup> УК УССР (190<sup>3</sup> УК РСФСР). Николай Алексеевич Супенюк, 1899 г. р., житель села Быстрицы, неграмотный, колхозник. «Обвиняется в организации сборища людей с. Быстрицы с целью самочинного открытия церкви 2 февраля 1969 г.» (Супенюк был членом церковного совета). Суд приговорил Супенюка к 1 году лишения свободы в ИТЛ общего типа. Супенюк виновным себя не признал. («Украинский вестник» № 5).

## Киев

• 28 мая был арестован Анатолий Иванович Лупынис, 1937 г. р. Это его второй арест. Впервые Лупынис был приговорен в 1956 г. Верховным судом Украинской ССР к 6 годам ИТЛ строгого режима по ст. 62 УССР (70 УК РСФСР). В Дубровлаге получил дополнительный срок 4 года (за что — неизвестно). Освободился в 1967 г. Домой вернулся в очень тяжелом состоянии, сопровождаемый лагерным врачом. Получил 1 группу инвалидности (паралич ног). До вторичного ареста работал администратором областного отделения Музыкального хорового общества.

22 мая в Киеве у памятника Шевченко во время митинга, посвященного 100-й годовщине перевоза праха поэта из Петербурга на родину, Лупынис читал стихи. Через неделю он был арестован. Обвинение вновь предъявлено по ст. 62 УК УССР. При обыске были изъяты только его собственные произведения. В октябре был отправлен на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в Институт судебной психиатрии им. Сербского (Москва). Признан невменяемым. Диагноз — шизофрения.

Следствие ведут ст. следователь республиканского КГБ *Берестовский* и следователь *Прохоренко*. Двое свидетелей показали, что Лупынис давал им читать работы Сахарова. К делу подшиты фотокопии статей Сахарова, взятые из архива КГБ. Суд ожидается в начале декабря.

## Пренай (Литовская ССР)

• Арест священника Юозаса Здебскиса (см. Хронику № 21) 26 августа 1971 г. за подготовку детей к 1 причастию вызвал протест у родителей детей и у других верующих.

Два письма с протестом направлены в ЦК КПСС, Верховный совет и Совет министров СССР (2 тыс. подписей, 19 сентября 1971 г.) и генеральному прокурору СССР, генеральному прокурору ЛитССР и КПК при ЦК КПСС (400 подписей). В письмах — жалобы на невозможность приобрести религиозную литературу, подготовить детей к 1 причастию, на нехватку священников и другие нарушения законодательства о свободе совести. Родители детей сообщают, что Здебскис занимался с детьми по их просьбе. В защиту Ю. Здебскиса выступил также В. Ч а л и д з е (см. настоящий выпуск Х р о н и к и).

26 сентября направлено письмо на имя Л. И. Брежнева от католиков другого литовского прихода — Сантайки (Алитусский район), его подписали 1190 человек. В письме в частности говорится: «Все это нас огорчает и возбуждает недоверие к линии, взятой правительством. Еще не успел выйти из лагеря священник А. Ш е ш к я в и ч ю с, осужденный за исполнение своих духовных обязанностей, как в г. Пренай уже арестован викарий Юозас З д е б с к и с, готовивший к первому причастию детей, приводимых родителями. Если его поступок считается преступлением, тогда о свободе совести и вероисповедания нам остается только мечтать...

Мы, католики, не имеем молитвенников, вынуждены пользоваться старыми, оборванными. Три года назад власти, словно издеваясь, выпустили ничтожное число молитвенников, когда каждый католик должен иметь хороший молитвенник. Мы даже не имеем для чтения Священного Писания!

Мы очень сожалеем, что католики дискриминируются, словно негры расистами...»

В конце октября 1971 г. состоялся суд над Юозасом Здебскисом. Приговор суда — 1 год ИТЛ (подробности пока неизвестны).



## Москва

• 21 сентября состоялся обыск у Сергея Григорьевича Мюге. Причиной обыска, судя по характеру допросов, которым Мюге подвергся 4 и 6 октября, послужили показания Р. Фина, ранее арестованного (см. настоящую Хронику). При обыске было изъято большое количество самиздатовской литературы. 4 октября у Мюге была взята подписка о невыезде по подозрению в хранении и распространении клеветнической литературы. С. Мюге — биолог, инвалид войны, в 1949 г. был арестован, в 1956 реабилитирован. В середине октября С. Мюге обратился с письмом к ст. следователю Мособлпрокуратуры В. В. Гагарскому, протестуя против предъявленных ему обвинений.

## Ашхабад

• Туркменская поэтесса Аннасолтан Кекилова (издано 3 книги, песни часто передавалась по радио) дважды обращалась к 24 съезду КПСС и в ЦК КПСС с письмами, в которых критикуются недостатки в Туркмении. Последовавшие после этого репрессии (лишение работы, прекращение издания книги) побудили ее заявить об отказе от советского гражданства. 26 августа Кекилова была насильно помещена в психиатрическую больницу. В письме в ЦК КПСС ее мать О. Сеидова сообщает, что ее дочь абсолютно здорова и никогда не состояла на учете у психиатров.

О. Сеидова обратилась также с заявлением в международный отдел ЦК КПСС (некоему «тов. Николаеву»; копия направлена председателю Комитета государственной безопасности тов. Андропову) с изложением обстоятельств дела. В конце заявления, в частности, говорится: «26 августа с. г. к нам

домой явилась «скорая помощь», которую никто не вызывал и в которой никто не нуждался. Ее, совершенно здоровую, насильно, скрутив руки, грубо отбросив малолетнего сына в сторону, посадили в машину и увезли в психобольницу. Мне сказали, что ее взяли для обследования. Но это похоже на расправу... в больнице с ней можно сделать, что угодно. Врачи в этой психобольнице ей сказали, что она здорова. И сказали следующее: если ты не дашь нам расписку о том, что в ЦК КПСС нервничала, поэтому писала, то останешься в больнице навечно. Так ей угрожали. Она отказалась дать такую расписку. Я протестую против этого и требую ее немедленного освобождения».

### *Баку*

• Председатель Главного организационного комитета освобождения месхов Энвер Мишу-Оглы Одабашев, арестованный 7 августа 1971 г. (см. Хронике № 21) в Саатлинском районе АзССР, был осужден 24 августа 1971 г. нарсудом Насиминского района г. Баку к 2 годам лишения свободы по ст. 162 УК АзССР (незаконный захват и использование колхозной земли).

Одабашев, 1917 г. р., преподаватель истории, окончил в 1965 г. Киргизский пединститут, инвалид Отечественной войны, неспособен к физическому труду. Делегация турок-месхов (3 чел.) обратилась с письмом к Л. Брежневу, в котором выражается «возмущение отношением властей к интересам нации».

Отмечается, что турки-месхи после их выселения с турецкой границы в 1944 г. рассеяны по всей Средней Азии и Кавказу, семьи их разъединены и не могут поддерживать родственных отношений, они не

имеют возможности учить своих детей на родном языке, сохранять национальную культуру. Происходит ассимиляция месхов окружающим населением. Понимая это, они добиваются возвращения в родные места, создали Турецкое общество защиты национальных прав турецкого народа (председателем которого в 1964 г. был избран Одабашев). Общество проводит регулярно съезды (см. Х р о н и к у № 21).

- В середине сентября арестован М. Н и я з о в (1 заместитель Одабашева). Уточняющие сведения не поступали.

### *Киев*

- 29 сентября около тысячи человек собрались в Бабьем Яру почтить память жертв массовых расстрелов 1941 г. Собравшихся, среди которых были приехавшие из разных городов (венки с еврейскими надписями были из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Тбилиси), много молодежи оцепили частями милиции и специальными отрядами, освещали прожекторами и фотографировали.

### *Павлодар*

- 7 сентября в г. Павлодаре Казахской ССР арестован доцент пединститута, кандидат филологических наук, Наум Ш а ф е р. Ему предъявлено обвинение по ст. 170<sup>1</sup> УК КазССР (190<sup>1</sup> УК РСФСР). Среди инкриминируемых Шаферу материалов — рассказ А. И. Солженицына «Пасхальный крестный ход», повесть Ю. Даниэля «Говорит Москва», песня А. Галича про «белые столбы», стихи целиноградского поэта П р о к у р о в а (привлечен по делу в качестве свидетеля), стихи А. Ахматовой и Твардовского. Еще до ареста Н. Шафер подвергался различным «преследованиям», в ходе которых он, в

частности, был обвинен в «сионизме»; в результате он был снят с работы, а ученый совет рекомендовал лишить его ученого звания.

Следствие по его делу, как выяснилось, к моменту ареста уже было закончено, и 7 октября Шафер предстал перед Павлодарским областным судом. Судебное разбирательство продолжалось два дня.

Обвинитель — прокурор области *Иванов*, судья — зам. председателя областного суда *Тэн*, адвокат — *Порывай*. Формально «открытый» суд проходил, как принято, в зале, до отказа заполненном специально приглашенной «публикой». Брат Шафера и жена были допущены в зал лишь на второй день заседания в качестве свидетелей обвинения.

Речь прокурора изобиловала угрозами и антисемитскими выпадами. Подсудимый отказался признать себя виновным и аргументированно парировал обвинения в распространении Самиздата.

Суд приговорил Наума Шафера к полутора годам лишения свободы. 24 ноября назначена кассация в г. Алма-Ате, в Казахском верховном суде.

Суд вынес также частные определения «соучастникам» Шафера: доцентам Казахского государственного университета *Александрю Жовтису* и *Израилю Смирину*, ст. преподавателю Алма-Атинского сельскохозяйственного института *Александрю Кенингсону* и знакомому Шафера *Штейну*, помещенному недавно в психиатрическую больницу... Все они, а также брат осужденного, преподаватель Целиноградского педучилища, *Лазарь Шафер*, уволены с работы.

*Москва. Суд над Р. Фином.*

• 18 октября в Московском областном суде состоялся процесс по делу *Р. Т. Фина*, научного сотруд-

ника Ин-та биофизики АН СССР (г. Пущино-на-Оке), арестованного в начале весны 1971 г. (см. Хронику № 18). Роман Фин, 1941 г. р., закончил Горьковский университет в 1966 г., был направлен на работу в Пущино, имеет семь печатных работ (большинство в соавторстве).

Фин обвинялся в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190<sup>1</sup> УК РСФСР) и в мелком хищении государственного имущества (ст. 96, ч. 1 УК РСФСР: он был задержан вахтером, когда пытался вынести из института зеркало).

Фину инкриминировалось распространение следующих произведений: Авторханов «Технология власти» и «Партократия», А. Амальрик «Иностранные корреспонденты в Москве» и «Просуществует ли Советский Союз до 1984 г.?», Н. Горбаневская «Полдень», П. Г. Григоренко «Открытое письмо А. Д. Сахарову».

Допрошенный в предварительном следствии Р. Фин не признал себя виновным, хотя и не оспаривал предъявленных обвинением фактов.

Свидетели *Киселев, Опанасенко* и др. в суде показали, что Фин давал им читать произведения Самиздата.

Адвокат *Раусов* не оспаривал обвинения и заключения экспертизы и просил суд применить принудительное лечение в больнице специального типа.

Суд счел факты обвинения доказанными и, признав Фина невменяемым (диагноз — вялотекущая шизофрения), — направил его на принудительное лечение в спецпсихобольницу.

До ареста Фин у психиатров не лечился и на учете не состоял.

Для подачи кассационной жалобы жена Фина наняла другого адвоката. Кассационная жалоба содержит ходатайство о лечении Фина в больнице общего типа.

В снабжении Р. Фина Самиздатом подозревается С. Мюге, подвергнутый обыску и допросам в сентябре-октябре этого года. Дело Мюге было выделено из дела Фина на стадии предварительного следствия. В суд по делу Фина Мюге не вызвали (см. настоящую Хронику).

### Ужгород

• Единственный редактор венгерских книг изд-ва «Карпаты», венгерский поэт и прозаик, член СП СССР Вилмош Ковачи и младший редактор того же издательства, молодой венгерский поэт Андраш Бенедек (псевдоним А. Штумпфа) весной этого года вынуждены были уйти из издательства и до сих пор не могут устроиться на работу. Редакциям областных газет и журналов дано указание не печатать материалов, поступающих от Ковача и Штумпфа.

Причиной репрессий явилась статья Ковача и Штумпфа «Из истории закарпатско-венгерской литературы», опубликованной в ежемесячнике «Тисотай» («По Тисе», выходит в г. Сегеде, ВНР\*) №№ 10-12 за 1970 г.

В мае 1971 г. Штумпф, ранее признанный негодным к воинской службе (ревмокардит), был призван в армию, но из областного сборного пункта его по постановлению медкомиссии возвратили на вторичное обследование, которое вновь подтвердило его негодность к службе (кроме ревмокардита, болезнь печени), однако военкомат задержал паспорт Штумпфа.

---

\*) Венгерская Народная Республика. — Р е д.

При областном отделении СП несколько лет назад была создана студия «Форраш» («Источник»), объединяющая молодых авторов, пишущих по-венгерски (в большинстве студентов Ужгородского университета). Ответственным за работу студии был Ковач. В августе 1971 г. началась «чистка» студии. В областной газете, выходящей на венгерском языке («Карпатская правда»), в конце августа появилась редакционная статья «Молодежь Закарпатья — студия «Форраш» и отчуждение», где в резко наступательном тоне участники студии обвинялись в аполитичности. Их стихи, говорится в статье, пропитаны духом отчуждения — и это «несмотря на то, что родина предоставила им возможность беззаботного детства, учиться, жить в удовлетворяющем все потребности комфортабельном общежитии» (вероятно, последнее относится к зданию, где живут студенты Ужгородского университета; здесь в комнатах, рассчитанных на 3-х, живут пятером, нет горячей воды, плохое отопление).

«Видимо не случайно, — продолжает статья, — в молодежной газете опубликовано стихотворение политически скомпрометированного Пастернака» (венгерский перевод, опубликованный в газете «Молодежь Закарпатья», выходящий на украинском и венгерском языках).

Для проверки настроения студентов венгерского отделения филологического факультета университета создана обкомовская комиссия.

### *Ленинград*

• 3 июня (а не 7-го, как сообщала Хроника № 20) закончилась длительная (более 70 суток) голодовка, которую держали заключенные в Ленинградскую спецпсихобольницу Владимир Борисов и Виктор Файнберг.

После встречи Борисова и Файнберга с адвокатом М. А. Линда они были переведены в 11-ое (соматическое) отделение. Администрация учреждения выполнила все требования голодавших, кроме основного — пересмотра дела в суде с участием обвиняемых (главный врач разъяснил, что это не в его власти). Все остальные требования (отмена фармакологического лечения, получение книг, переписка, прогулки, помещение их в одну палату, свидания с родственниками и с адвокатом) выполнены.

Физическое состояние обоих улучшилось, вес восстановился (оба потеряли в результате голодовки примерно по 12 кг). В начале сентября администрация зарегистрировала у Борисова и Файнберга «склонность к конфликтным ситуациям». Основанием для этой формулировки послужили следующие происшествия: санитар, пришедший на дежурство в нетрезвом виде, оскорбил одного больного. Борисов потребовал вызвать дежурного врача, а когда тот не явился — дежурного офицера. Никто на вызов не пришел. Тогда Борисов и Файнберг написали докладную записку на имя главврача. На следующий день главврач заявил, что санитар был трезв, и потребовал, чтобы они «не вмешивались не в свое дело». В другой раз санитар издевался над больным. Файнберг потребовал прекратить издевательства. В ответ санитар заявил: «А ты что суешься, жидовская морда!». Не сдержавшись, Файнберг ударил санитаря по лицу.

Осуждая поступок Файнберга, главврач сказал: «Зачем было бить? Санитару всего 18 лет, и у него нет высшего образования». Насколько известно, санитар никакого наказания не понес.

23 сентября проходила очередная комиссия, председатель — врач из Института им. Сербского Раби-



нович. Комиссия приняла решение: продлить пребывание Файнберга и Борисова до следующей комиссии (январь 1972 г.), поскольку они «склонны к конфликтам, плохо адаптируются к среде».

В октябре обращение администрации к ним ухудшилось: им запрещено получать бандероли, и, в нарушение данного ранее обещания, их снова разделили (Борисов переведен в другое отделение, т. к. «его физическое состояние улучшилось»).

*Из лагерей освободились:*

\* 7 октября из женского политлагеря ЖХ 385/3 — Рута Александрович (осуждена на 1 год Верховным судом ЛатвССР — см. Хронику № 20);

\* 7 октября по окончании срока — М. П. Семенова (осуждена на 10 лет, дело «истинноправославной церкви»; о Семеновой см. в Хронике № 15 — «Состав женского политлагеря»);

\* 7 октября с 3 л/о — Виктор Купин, отбывший 10 лет заключения за попытку перехода границы (Купин служил в Советской армии на территории ГДР);

\* 8 октября из лагеря общего режима, отбыв 3-летний срок заключения, — физик Роллан Кадыев (участник движения крымских татар, см. Хронику № 8);

\* 12 октября из мест заключения освобожден Владимир Ткачев, отсидевший 10 лет за «измену родине».

\* По непроверенным сведениям, досрочно освобожден из Мордовских лагерей художник Юрий Иванов (см. о нем в Хронике № 10). В последнее время он работал в больничной зоне л/о 3. Его теперешнее местонахождение неизвестно.

\* По окончании срока заключения (1 год) из следственного изолятора Ленинградского УКГБ вышел Виктор Ш т и л ь б а н с (участник 2-го ленинградского еврейского процесса). Ему предоставлена ленинградская прописка.

\* В начале сентября в Москву вернулся Виктор К р а с и н. Приговор, по которому с декабря 1969 г. Красин находился в ссылке (срок 5 лет), был отменен по протесту прокурора.

\* В сентябре 1971 г. Генрих А л т у н я н (см. последнее сообщение о нем в Х р о н и к е № 21) переведен из лагеря общего режима на поселение. Адрес: Красноярский край, Иланский район, пос. Хайрузовка. Сейчас он работает зав. гаражом.

\* 23 октября Наталья Г о р б а н е в с к а я переведена из Казанской спецпсихобольницы в одну из общих палат Бутырской тюрьмы (Москва, К-55, учреждение ИЗ-48(2), где она ожидает помещения в Институт им. Сербского\*).

### *Рига*

• В конце сентября отказано в выезде в Израиль Илье Р и п с у, выпущенному из Рижской психобольницы в апреле 1971 г. (см. о нем в Х р о н и к е № 10).

• Местонахождение А. Э. Л е в и т и н а - К р а с н о в а в Х р о н и к е № 21 указано неверно. Он находится в лагере общего режима в гор. Сычевка Смоленской обл., учреждение ЯО-100/7. Работает подсобником.

• Владимир Д р е м л ю г а отбывает новый трехлетний срок в лагере строгого режима по адресу:

---

\*) Освобождена в феврале 1972 г. — Р е д.

Якутская АССР, г. Якутск, пос. Б. Марха, п/я ЯД 40/5.

- В середине октября в Москве состоялось подписание 201 ст. УПК РСФСР (оконч. следствия по делу) у Надежды Емелькиной (см. о ней в Хронике № 20). Суд ожидается в конце ноября\*).

- 3 ноября Ю. Вишневецкая (см. о ней в Хронике №№ 16, 19) и В. Тельников (см. в Хронике № 16) выехали из СССР в Израиль.

- Хроника располагает следующим документом:

Притч, приходской совет, поющие, трудящиеся и все члены общины Медведковской Покровской церкви в согласии со всей христианской совестью

Считают необходимым:

1. Ни при каких условиях не допускать лживых, клеветнических и всяких зловердных пересудов о нашей общественной жизни и о гражданской власти;

2. Каждое нарушение этого обязательства принимать как оскорбление достоинства всех членов общин;

3. Имя нарушителя, в случае необходимости, должно быть известно всей общине.

### *Москва*

- 17 октября 1971 г. историк Рой Александрович Медведев, направил в редакцию газеты «Правда» и другие газеты открытое письмо с протестом по поводу обыска, незаконно проведенного у него 12 октября 1971 г. следователем Московского районного отделения милиции капитаном Зайко. Обыск производился по делу А. А. Шакальской на предмет

---

\*) 24. 11. 1971 г. Н. Емелькина приговорена к 5 годам ссылки. — Р е д.

«выдачи книг», похищенных Шакальской из различных библиотек г. Москвы, и подарившей их Медведеву Р. А. Никаких «подарков» Зайко и руководившие обыском три человека в штатском не нашли, но изъяли большое количество печатных изданий и рукописных материалов Р. Медведева и его брата Ж. Медведева, научный архив. На следующий день Зайко неоднократно звонил по телефону Р. Медведеву и предлагал ему явиться в районное отделение милиции, заявляя, что его «ждут и другие», угрожая «серьезными последствиями», добавляя в то же время: «Вы понимаете что не я руководил обыском».

«Я полагаю, — пишет Р. А. Медведев, — что КГБ, как и в недавнем случае, когда 9 неизвестных проникли в пустой садовый домик Солженицына... откажется от своей причастности к этой конфискации. Кто же тогда эти трое неизвестных? Может быть, они являются представителями новой тайной политической полиции?». Незаконная конфискация научного архива была предметом жалобы, которую Р. А. Медведев направил 14 октября прокурору г. Москвы. (К письму приложен список конфискованных материалов.)

### *Сыктывкар*

• 9 мая 1971 г. Р. И. Пименов, осужденный на 5 лет ссылки (см. Хронику № 16) и проживающий теперь в г. Сыктывкаре, направил председателю Совета министров Коми АССР заявление, в котором показывает незаконность лишения его возможности работать по специальности и полную неразумность этой меры: Пименов работал пилоправом, а теперь электриком на лесопильном заводе в поселке Красный Затон. В ноябре 1969 г. Пименов защитил диссертацию на соискание ученой степени

доктора физ.-мат. наук, единогласно утвержденную ученым советом Математического института АН СССР. А в мае 1971 г., уже после приговора, Высшая аттестационная комиссия (ВАК) получила на диссертацию Пименова положительный отзыв, но после письма из «организации», как заявил представитель ВАК, все материалы были возвращены в ученый совет.

«Народнохозяйственный ущерб от такого использования уникального специалиста, — пишет в своем заявлении Пименов, — создавшего новое научное направление на стыке метафизики и физики, знающего свыше десятка иностранных языков — очевиден».

• 13 сентября Голландская группа комитета «Международная амнистия» в письме Р. И. Пименову выразила свое внимание и сочувствие, интерес к его здоровью, нуждам и условиям, в которых живет его семья.

## НОВОСТИ САМИЗДАТА

1. *Ж. П. Сартр. Размышления о еврейском вопросе.* Перевод с польского. Польский перевод Ежи Лисовского опубликован в журнале «Твурчосць» («Творчество»), Варшава, 1956, №№ 9, 10. Статья написана в 1944-46 гг. и опубликована во Франции в 1946 г. Философско-публицистическая работа, содержащая исследование сущности еврейского вопроса и практические рекомендации по его решению в условиях современной Франции. В аналитической части автор, пользуясь экзистенциалистическими понятиями «свободы», «ситуации» и «выбора самого себя», описывает так называемую «ситуацию еврея». Сущность этой ситуации определяется так: «Еврей — это чело-

век, которого таковым считают другие». Посвятив значительную часть работы опровержению ходячих предрассудков об отличии евреев от «обычных людей», автор показывает, что все черты, которыми, например, французские евреи действительно отличаются от просто французов, — исключительно вторичного характера. Эти черты порождены ситуацией еврея, которая не оставляет никакого выбора себе, кроме: быть настоящим евреем или быть ненастоящим евреем. Ненастоящий еврей стремится к ассимиляции, которая невозможна при наличии антисемитизма. Настоящий еврей принимает свою ситуацию, но обречен на мученичество. Ситуацию еврея создает антисемитизм — дологическая, манихейская идеология темных, слабых, синтетически мыслящих людей, стремящихся самоутвердиться за счет гонимой группы, каковой исторически оказались евреи.

2. Юрий Глазов, *«Досужий разговор о мифах и сказках»*. 30 июня 1971 г. Размышления о национальном, нравственном, религиозном и общественном самосознании русских и евреев, изложенные в форме свободного эссе с многочисленными экскурсами в сравнительную мифологию. В конце рассказа о некоторых фактах своей биографии (обычной биографии интеллигента, уволенного с работы за подпись под письмом в защиту жертв произвола) автор пишет: «...Мои благие пожелания остаться здесь, в этой стране, разбиты жизнью как карточный домик. Я — еврей и я должен уехать в страну моих предков. Там я смогу продолжать занятия наукой... Тот эксперимент ассимиляции, который жизнь при моем старании поставила на мне, закончился отрицательно...Пройдут годы и я, надеюсь, смогу убедиться, что иначе и не могло быть...».

3. *Уединенный летописец. «Партия лото»*. Москва,

1970 г. Действие рассказа происходит в наши дни. Несколько интеллигентов ведут за чашкой чая беседу, прихотливо перескакивающую с философии и богословия на литературу и историю. Оказавшаяся в доме книга, написанная в 1839 г. маркизом де Кюстином и изданная в 1930 г. под названием «Николаевская Россия», придает разговору новое направление. Начинается «игра в лото»: «фишками» в ней служат цитаты из книги, выиграть фишку можно, найдя «взаимно неоднозначное соответствие» данной цитате в современности. Например: «Русский простолюдин получает на своем веку побоев не меньше, чем делает поклонов». Уже в 1939 году, хотя побои в ходе незаконного ведения следствия еще имели место, поклоны исчезли вовсе. Приветствуя своих вождей, трудящиеся не кланялись, а вставали. Или: «Все занимаются здесь шпионством из любви к искусству, даже не рассчитывая на вознаграждение». Бдительность — замечательное свойство простых советских людей. Бдительность и доносительство — совершенно разные вещи.

4. *Открытое письмо* «группы русских националистов» издателям «Украинского вестника». Письмо начинается словами: «Встреча с вашим печатным словом была взволнованной близостью, родством мировоззрений по многим проблемам, хотя иногда чувствуется ваше неверие в Россию, — а мы верим». Далее следует изложение нравственно-религиозной и общественно-политической позиции «русских националистов».

5. *Общественные проблемы*. Сборник избранных текстов Самиздата, посвященных общественным проблемам. Составитель В. Чалидзе. Выпуск 12 (июль-август 1971 г.). Содержание: А. Есенин-Вольпин. 1. О логике нравственных наук. 2. Психическое

здоровье. Руководство по гражданским правам (перевод с английского). 3. Документы Комитета прав человека.

6. Герман Смирновский. «Жаркое лето в Белграде», сентябрь 1971 г. Краткий обзор проблем, волнующих югославское общество в настоящее время (лето 1971 г.): трудности экономики, национальная вражда и сепаратизм, враждебность со стороны СССР и Болгарии, усиление цензуры. Приводится хроника цензурных репрессий в мае-августе 1971 г.: 13 раз запрещались те или иные издания за публикацию дискуссий по острым вопросам, за карикатуры на внутривнутриполитические темы, за критику цензуры и т. п.

7. «Вече» № 3. 19 сентября 1971 г. Центральной публикацией журнала является статья «Дом, который мы строим». Автор статьи подробно и аргументированно анализирует комплекс проблем, связанных с беспорядочным наступлением человека на природу, ведущим человечество к катастрофе.

В журнале помещены продолжение биографии генерала Скобелева и окончание работы М. Антонова «Учение славянофилов — высший взлет народного самосознания в России в доленинский период». М. Антонов последнюю часть своей работы посвящает мировоззрению братьев Киреевских. Говоря о перспективах развития русского национального самосознания, автор, в частности, утверждает: «Лишь соединение православия и ленинизма (подчеркнуто автором) может дать то адекватное мировоззрение русского народа, которое синтезирует весь многовековой жизненный опыт народа».

В «Памятном слове о Гумилеве» анонимный автор развивает мысль о независимости подлинного творчества от политических убеждений художника.



Журнал печатает критические заметки о творчестве поэтов В. Сидорова и Е. Винокурова, полемику с Л. Ренделем (см. «Вече» № 2), материалы и сообщения из жизни русской православной церкви, стихи Н. Рубцова.

«Вече» № 3 публикует заявление редактора журнала В. Осипова. Заявление призывает «русских патриотов» продолжать выпуск «Вече» в случае, если Осипова арестуют. Предрешенность ареста, говорится в заявлении, объявлена работниками КГБ в беседах с людьми, связанными с Осиповым. В «Заявлении» утверждается вновь, что журнал «Вече» стоит на позициях, лояльных к советскому государственному и общественному строю, и выражается надежда на то, что «среди советского руководства есть честные лица, которым небезразлична Россия» и «которые в конце концов поймут, что такое честь конституции и престиж Родины».

8. *Б. В. Ефимов. Письмо в Верховный совет СССР.* В нем обсуждается вопрос о выезде евреев в Израиль. Исходное положение — право на самоопределение включает в себя право жить в национальном государстве. В письме разбираются обычно употребляемые аргументы, оправдывающие удержание евреев в СССР; заканчивается предположениями о мерах законодательного порядка, решающих вопросы национального самоопределения и выезда из СССР.

9. *Л. К. Чуковская. В судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда УССР.* Письмо от 29/VII-71 г.

Речь идет о процессе Р. Палатник (см. *Хронику* № 20), которой было инкриминировано «распространение антисоветской литературы». Л. Чуковская протестует против того, что «Реквием» Ахматовой,

стихи Мандельштама, два ее (Чуковской) письма и другие документы, инкриминируемые Р. Палатник, квалифицированы как антисоветские. Все вышеназванные документы и произведения носят, с политической точки зрения, только антисталинский характер. Смешивать понятия «антисталинский» и «антисоветский» — значит пренебрегать решениями XX и XXII съездов. Подобное смешение, к сожалению, становится тенденцией в практике судов и цензуры последних лет.

### ПИСЬМА И ЗАЯВЛЕНИЯ

Редакционная статья «Украинского вестника» № 5  
(печатается с сокращениями):

«Часть украинской общественности, знакомой с русским Самиздатом, обращает внимание на отношение к национальному вопросу вообще и к украинскому в частности со стороны русских оппозиционных сил, которые активно проявили себя со второй половины 60-х годов. В конце 70-го года в Москве академик Сахаров, физики Твердохлебов и Чалидзе создали Комитет прав человека — умеренную оппозиционную группу, которая намерена защищать конституционные права советских граждан. Отношение к национальному вопросу в СССР, к правам нерусских наций и гарантиям этих прав Комитет нигде не определил. Есть только несколько общих фраз. В первом обращении в ЦК КПСС академика Сахарова с учеными Турчиным и Р. Медведевым есть фраза, что постепенная демократизация жизни в СССР необходима еще и потому, что она уменьшит угрозу национализма. Но в том же обращении предлагается ставить в паспортах вместо национальности — только «гражданин СССР» (такие предложе-

ния выдвигались еще при Хрущеве и были расценены в союзных республиках как стремление к дальнейшим посягательствам на их суверенность).

В мае 1969 г. в Москве была создана Инициативная группа содействия защите прав человека в СССР, которая тогда же обратилась в ООН с петицией о преследованиях в СССР за убеждения и их распространение. Там, между прочим, говорилось и о репрессиях против лиц, которые выступают за национальное равноправие. Каких-либо других выступлений по этому вопросу ИГ пока не сделала. Большая часть ее членов скоро была арестована. Теми же принципами борьбы за свободу слова и убеждений, что и ИГ, руководствуется и периодическое издание «Хроника текущих событий»... Не выдвигая никаких программных постулатов, кроме свободы слова и информации, издание стремится беспристрастно освещать политические преследования по всему Советскому Союзу и кратко характеризовать новости русского (и изредка национального) Самиздата. Время от времени Хроника дает также материалы Украины, придерживаясь объективности. Краткость изложения и отдельные неточности обусловлены, видимо, только отсутствием более подробной информации. Например, в 17 выпуске Хроника рассказывает о процессе В. М о р о з а, дает самую детальную из известных до сих пор информации по делу УНФ (эту информацию перепечатываем), в приложенном списке репрессий 1969 — 70 гг. перечисляют репрессированных на Украине.

Выпуск Хроники украинский читатель приветствовал. Отмечается объективность, объемность и относительная точность информации, которая дает целостное представление о неизвестных большинст-

ву общественных процессах в СССР. Однако отдельные голоса, не отрицая значения Хроники, обращают внимание на то, что она самочинно претендует на какой-то наднациональный или всесоюзный характер, хотя фактически является изданием русских (возможно, частично еврейских) кругов. Отмечают также, что скупые информации из республик подверстываются как дополнения к развернутому описанию событий в России, более всего в Москве, что само по себе дает неточное представление о положении в СССР.

Очень скупы данные об отношении к национальному вопросу различных подпольных групп, организаций и «партий», которые последнее время возникли в России (Ленинград, Балтфлот, Поволжье и др.). О существовании этих организаций становится известно только после их разгрома органами КГБ, также только в очень общих чертах известны их программные требования. Из того, что известно, можно сделать вывод, что ни одна из этих организаций не выработала какой-либо программы решения национального вопроса в СССР и не декларировала свое отношение к национальным потребностям и национальным движениям в СССР. Создается впечатление, что, стремясь к самым радикальным изменениям во многих сферах общественной жизни, участники этих групп в национальном вопросе желают в той или иной степени сохранить статус кво.

Одновременно с организациями и группами, которые ставят вопросы о демократических преобразованиях в СССР, в России появляются и такие, которые критикуют правительство и «либералов» с реакционных, открыто шовинистических позиций, добиваясь даже формальной ликвидации СССР и создания военно-демократической неделимой России.

Помещаем опубликованное в 17 выпуске Хроника краткое изложение одного из таких документов русского Самиздата «Слово нации»... Далее Хроника дает столь же краткое изложение самиздатского ответа «патриотам» В. Гусарова... Из этого изложения, однако, не видно конструктивной позиции самого Гусарова по национальному вопросу, кроме утверждения, что «национальный тип» не сохранился (а, следовательно, сохранять его не стоит, пусть поскорее нивелируется). Не видно, как представляет себе автор будущее нерусских народов СССР и каким бы ему хотелось видеть это будущее. Его заботит только то, чтобы была «гласность» и не было «кнута и розги».

Хроника, аннотируя машинописный журнал русских националистов «Вече», пишет, что «Вече» отличается от упомянутого выше манифеста «Слово нации» большей сдержанностью и терпимостью к другим нациям. Однако Хроника отмечает: «Юдофобство и сталинистские симпатии характерны для некоторых авторов «Веча»... Как можно понять из этой информации, журнал выходит как будто бы легально, а его редактор Осипов — реальная личность».

\*

Последнее слово Руты Александрович перед отъездом в Израиль, 29 октября 1971 г. Москва (приводится с сокращениями):

«Прошло несколько дней после моего освобождения из лагеря... Я сердечно благодарю своих знакомых и незнакомых друзей за сочувствие и поддержку и считаю, что мое быстрое освобождение из заключения является результатом их усилий... Еще

находясь в Советском Союзе, не касаясь общих вопросов, я хочу снова напомнить о положении моих друзей, остающихся в лагерях, и в первую очередь — о моей подруге Сильве Залмансон. Она тяжело больна. Она теряет слух и не может есть: жизнь уходит из нее не по дням, а по часам... Я знаю, что ее судьба никогда не даст покоя моему сердцу и останется в нем открытой раной... Несколько месяцев назад в последнем слове на суде в Риге я сказала, что не ставила своей целью нанесения ущерба советскому строю, что моя единственная цель заключалась в выезде в Израиль... Сегодня... я стою перед новым судом — судом моей совести. И в последнем слове на этом суде я говорю себе: знай, что ты уезжаешь в Израиль потому, что десятки евреев и твоя подруга Сильва заплатят за это долгими годами тюрем и лагерей. Никогда не забывай, какой ценой ты обретаешь свое счастье!».

**ЖЕРТВУЙТЕ  
В ФОНД  
СВОБОДНОЙ  
РОССИИ**



Фонд создан в 1966 г. для оказания помощи борющимся за свободу в России.

Средства Фонда создаются силами русских и иностранцев, друзей России.

Пожертвования из СССР можно передавать через выезжающих за границу, соблюдая необходимые меры предосторожности.

Собранные средства используются для:

- оказания материальной и юридической помощи заключенным и их семьям,
- издания документов и произведений Самиздата портативных размеров для передачи в СССР, а также на иностранных языках для информации общественности разных стран,
- различных других мероприятий, способствующих установлению законности и права в нашей стране.

Адрес Комитета Фонда Свободной России:

**O. Perekrestov, Free Russia Fund,  
Postfach 180 408,  
Банковский счёт  
A/C 461 971, Rubr. Free Russia,  
Swiss Bank Corporation, CH-4002, Basel**

В. ЧАЛИДЗЕ

**КО МНЕ ПРИШЕЛ ИНОСТРАНЕЦ**

(Многотиражная перепечатка разрешена)



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта брошюра о том, как ко мне, интересуясь моей общественной деятельностью, пришел иностранец, и что было потом. Думаю, что рассказ об этой истории полезен во всяком случае для иностранцев, приезжающих в СССР, и для чекистов.

Для иностранцев — тем, что обратит их внимание на необходимость вести себя с большим чувством ответственности.

Для чекистов — тем, что эта доброжелательная публикация — еще один урок гласности, т. е. того, с чем им приходится в последние годы сталкиваться все чаще.

29 марта 1971 г.

г. Москва

## ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

Старший следователь Следственного отдела КГБ при Совете министров СССР майор Юзепчук с участием сотрудников КГБ при СМ СССР Соколова, Хорикова, Буланова, Бояркина и Иванова, в присутствии понятых Окуневской Ирины Анатольевны, проживающей по адресу: Москва, пр. Мира 65, кв. 13, и Каплунова Бориса Григорьевича, проживающего по адресу: Большая Академическая ул. 45, кор. 2, кв. 68, а также гражданина Чалидзе Валерия Николаевича, на основании постановления Следственного отдела КГБ при Совете министров СССР от 29 марта 1971 года, руководствуясь ст. ст. 169-171 УПК РСФСР, произвел обыск в квартире, занимаемой Чалидзе Валерием Николаевичем по адресу: Москва, Сивцев Вражек, дом 43, кв. 24.

Присутствующим при обыске лицам было разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу тех или иных его действий.

Понятым, кроме того, разъяснена на основании ст. 135 УПК РСФСР их обязанность удостоверить факт, содержание и результат обыска.

В начале обыска Чалидзе было предложено выдать оружие, антисоветскую литературу. Гражданин Чалидзе заявил, что оружия, антисоветской литературы у него нет.

В результате обыска было обнаружено и изъято следующее:

1. Картонная папка, на второй обложке которой поставлена цифра 9. В папке подшиты машинопис-

ные копии следующих документов: а) Хроника текущих событий, выпуск 4 (9) от 31 августа 1969 года на 18-ти листах; б) Хроника текущих событий, выпуск 5 (10) от 31 октября 1969 года на 28 листах; в) Хроника текущих событий, выпуск 6 (11) от 31 декабря 1969 года на 36 листах; г) Хроника текущих событий, выпуск 12 от 28 февраля 1970 года на 23-х листах; д) Хроника текущих событий, выпуск 13 на 31 листе; е) Хроника текущих событий, выпуск 14 от 30 июня 1970 года на 27 листах; ж) Хроника текущих событий 15 от 31 августа 1970 года на 25 листах; з) Хроника текущих событий, выпуск № 16 от 31 октября 1970 года на 27 листах.

2. Картонная папка, в которой подшиты машинописные копии следующих документов: а) Сборник избранных текстов Самиздата (СТС), выпуск 1 на 43 листах; б) Сборник избранных текстов Самиздата, вып. 2 на 42-х листах; в) Сборник текстов Самиздата, вып. 3 на 52-х листах; г) СТС, вып. 4 на 52-х листах; д) СТС, вып. 5 на 55 листах; е) СТС, вып. 6 на 53-х листах; ж) СТС, вып. 7 на 57 листах; з) СТС, вып. 8 на 44-х листах; и) Документ на английском языке на 6-ти листах.

3. Четыре листа бумаги с текстом, отпечатанным на машинке (копия), текст начинается словами: «что есть ссылка», кончается словами: «что им до других фактов».

4. Машинописный текст на трех листах бумаги с заголовком: «Из письма Р. Пименова».

5. Документ на двух листах с типографским текстом на английском языке, начинающийся словами: «the steadfast», кончающийся словом «imperialism».

6. Письмо, подписанное Анатолием Якобсоном — машинописная копия на одном листе бумаги.

7. Машинописная копия письма Солженицына на Нобелевскому фонду — на одном листе бумаги.

8. Письмо Турчина редактору «Литературной газеты» на трех листах.

9. Машинописная копия текста, озаглавленного: «Брюсов на статью Ленина о партийной литературе», на 6-ти листах.

10. Машинописный и рукописный текст на 6-ти листах, содержащий список оригиналов статей и документов.

11. Список документов, составленный от руки синим красителем на 3-х листах бумаги, начинающийся словами «Вьюнки», кончающийся словом «Ньюсуик».

12. Машинописная копия на двух листах бумаги, содержащая заметки Б. Цукермана по поводу книги «Идеологическая диверсия»...

13. Машинописная копия на двух листах документа, озаглавленного «Заявление национального комитета французских писателей».

14. Машинописная копия документа, озаглавленного: «Субъективная оценка неотъемлемости некоторых прав человека в СССР», на 5-и листах.

15. Машинописная копия документа, озаглавленного: «Иностранцы корреспонденты в Москве», на 10-ти листах.

16. Машинописная копия документа, озаглавленного: «Некоторые заметки о советском демократическом движении», на 8-и листах.

17. Машинописная копия документа, озаглавленного: «Открытое письмо газете 'Руде право'», на 4-х листах.

18. Машинописная копия документа, озаглавленного: «О субъективной оценке неотъемлемости прав личности», на 6-ти листах.

19. Машинописная копия документа, озаглавленного: «Он и мы», на 3-х листах.

20. Машинописная копия документа, озаглавленного: «Листопад в Калуге», на 21-м листе.

21. Картонная папка, на которой имеется рукописная надпись: «Положение политзаключенных, общие вопросы политрепрессий». В папке машинописные копии следующих документов: а) Письмо на 6-ти листах, начинающееся словами: «Дорогой Алешка!»; б) Справка о деле Иосифа Бродского, на 4 л.; в) Документ на 4-х листах, начинающийся словами: «Что есть ссылка?»; г) Письмо депутатам Верховного совета на 33 листах; д) Документ на 4 листах с заголовком: «Открытое письмо»; е) Документ на 9-ти листах, адресованный в Президиум Академии Меднаук.

22. Фотокопия книги Николая Бердяева «Философия неравенства», которая имеет 245 страниц.

23. Машинописная копия «Хроники текущих событий», выпуск 18 за 3 марта 1971 года на 32-х листах.

24. Документ (машинописная копия), озаглавленный: «Руководителям Советского государства», «Протест» на 3-х листах.

25. Документ (машинописная копия), озаглавленный: «О гражданских правах человека», на 20 листах.

26. Документ (машинописная копия), адресованный министру внутренних дел СССР на 3-х листах в трех экземплярах.

27. Документ (отпечатан на машинке), озаглавленный: «Развитие закона о правах человека в Израиле» на 36-ти листах.

28. Семь листов бумаги с рукописным текстом, начинающимся словами: «23 октября вечером», кончающимся словами «Я не запомнил». К первому листу приколота бумажка с надписью, начинающейся словами: «не оглашать».

29. Документ (машинописная копия), озаглавленный: «Обзор следственного производства по делу П и м е н о в а » на 164 листах.

30. Машинописная копия заявления Чалидзе на одном листе.

31. Коричневая папка, в нижней части которой приклеена бумажка с надписью: «Международное право. Документы». В папке различные документы на 133 листах.

32. Белая картонная папка с надписью на первой обложке: «Б о г д а н о в с к и й, Т е л е с и н, т а м о ж н я ». В папке различные документы на 55 листах.

33. Скоросшиватель в синей обложке, в котором подшиты различные документы на 58-и листах.

34. Скоросшиватель в темнокоричневой обложке с надписью Karhula, в котором подшиты документы на 40 листах.

35. Машинописная копия документа на 26 листах с заголовком: «Краткая запись процесса над Б е л о - г о р о д с к о й ».

36. Различные машинописные и рукописные документы на 39 листах с заголовками: «К докладу об аспектах проблемы прав человека в СССР»... «Мнение Комитета прав человека», «Решение Комитета прав человека», «Мнение о докладе Чалидзе», «Заявление о Принципах и Регламенте Комитета прав человека», «Некоторые замечания о Принципах Комитета прав человека».

37. 3 кассеты с магнитофонной лентой, вложенной в три коробки.

38. Брошюра «Всеобщая декларация прав человека» на 54 листах в бумажной обложке.

39. Брошюра Сахарова: «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» на 44-х листах печатного текста.

40. Различные документы (часть из них в папках), всего на 2593 листах, упакованы в полотняный мешок, который опечатан и опломбирован печатью № 1 Следотдела №1.

41. Портативная пишущая машинка «Remington» с латинским шрифтом № 281534.

42. Пишущая машинка «Москва» № 7627.

В ходе обыска и по его окончании заявлений и претензий со стороны присутствующих и понятых не поступало.

Протокол нами прочитан. Записано правильно.

Присутствующие	—	(Чалидзе)
Понятые:	подпись	(Окуневская)
	подпись	(Каплунов)
	подпись	(Юзепчук)

Обыск произвели:

Хориков — подпись	Соколов — подпись
Буланов — подпись	Бояркин — подпись
Иванов — подпись	

Чалидзе подписать протокол отказался.

Ст. следователь Следотдела КГБ при СМ СССР  
майор (подпись)

Протокол составлен в 2-х экземплярах. Второй экземпляр протокола получил:

Майор Юзепчук оставил рукописную, без печати «повестку», чтоб я явился 30 марта к 10 ч. в качестве свидетеля. По такой повестке можно было не идти, но мне было интересно, и я решил пойти.

## ЗАЯВЛЕНИЕ

29 марта у меня работниками КГБ был произведен обыск с целью изъятия антисоветских материалов.

В процессе обыска в качестве антисоветских были изъяты, в основном без описи, несколько тысяч листов документов, касающихся исключительно науки прав человека и защиты прав в нашей стране, в том числе тексты Конвенций ООН по правам человека и текст Всеобщей декларации прав человека; архив Комитета прав человека; деловая правозащитная переписка моих друзей, прибегавших к обсуждениям со мной своих трудностей; философские и правовые статьи, в том числе переводы из международного журнала прав человека Рене Кассена; подшивка издаваемого мной общественно-юридического журнала «Общественные проблемы». Если такие материалы КГБ считает антисоветскими, то трудно судить, что эта организация считает советским.

Если тема прав человека — тема запретная, то я могу ожидать любой репрессии, ибо я активно занимаюсь этой темой. Разумеется, я и готов к любой репрессии.

В ночь на 30 марта 1971 года

В. Ч а л и д з е



ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО  
МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ  
Н. А. ЩЕЛОКОВУ

Семнадцать дней продолжается героическая голодовка политзаключенных Ленинградской психиатрической тюрьмы Файнберга и Борисова. Выступая против опасного для интеллекта принудительного лечения, против изощренных, жестоких и циничных форм давления на свободу убеждений, требуя открытого суда — они защищают общечеловеческую интеллектуальную свободу, защищают будущее человечества. Я подтверждаю свое присоединение к их требованиям и вновь предлагаю свое посредничество.

Я обеспокоен незаконным задержанием представителей общественности при посещении прокуратуры СССР, в том числе крупного ученого, серьезно больного, Михаила Занда, и принудительно госпитализированных в психиатрическую клинику Строеву и Титова. Они не нарушали каких-либо указаний властей, ожидая в здании прокуратуры разбора своей законной петиции согласно данному им обещанию. Требую освобождения всех задержанных.

Я обеспокоен превентивными психиатрическими госпитализациями «в связи со съездом», которые не вызваны медицинскими показаниями и представляют собой нарушение прав человека.

Я обеспокоен необоснованным арестом Буковского и требую его освобождения.

Я обеспокоен обыском в комнате моего коллеги по Комитету прав человека В. Н. Чалидзе, при котором под видом антисоветских документов изъяты

архивы Комитета и многочисленные материалы, необходимые для нашей научно-юридической работы.

В своей записке, поданной на имя тов. Л. И. Брежнев 5 марта с. г., я пытался дать обобщенное рассмотрение преследований, по идеологическим мотивам, как действий, позорящих нашу страну, наносящих огромный ущерб интеллектуальной свободе, высшим интересам нашей страны, ее народа, всего человечества. Я призываю руководство нашей страны содействовать исправлению всех допущенных нарушений и созданию условий, исключающих их возможность в дальнейшем. Я стремлюсь к диалогу по широкому кругу вопросов, стремлюсь к конструктивному, деловому подходу, учитывающему все аспекты реальной ситуации. Дальнейшая демократизация страны — настоятельная необходимость. Прошу руководство нашей страны об обсуждении поднятых вопросов.

Я вновь обращаюсь к людям доброй воли во всем мире с призывом к беспристрастному, конструктивному, лояльному подходу к насущным проблемам своих стран и человечества в целом, одновременно обращаюсь с призывом решительно и организованно выступать против наиболее опасных тенденций и явлений, где бы они ни имели место — против милитаризма, против тенденций великодержавности и мессианства, против всех серьезных нарушений прав человека, против дискриминации и угнетения.

30 марта 1971 года

Академик А. Д. Сахаров

Утром я пришел в Лефортово к Юзепчуку. Беседа с ним была приятна, продолжалась почти весь рабочий день и увенчалась таким протоколом\*):

*Вопрос:* Кто из числа иностранных граждан был у вас в течение марта?

*Ответ:* Затрудняюсь ответить на этот вопрос.

*Вопрос:* Почему?

*Ответ:* Не уверен в точности воспоминаний.

*Вопрос:* Какие документы вы передавали иностранцам в последнее время?

*Ответ:* Не помню, но если что-либо кому-либо передавал, то, как и всегда, лишь документы, написанные и подписанные мной (или копии текстов таких документов).

*Вопрос:* Было ли что-либо враждебное Советскому государству в этих документах?

*Ответ:* В моих текстах и моих действиях по изучению проблемы прав человека не содержится ничего враждебного нашей стране и государству.

*Вопрос:* Кто был у вас в воскресенье 28 марта?

*Ответ:* Отказываюсь отвечать.

*Вопрос:* Какие документы вы передавали иностранным гражданам 28 марта?

*Ответ:* Совершенно точно помню, что ничего не передавал.

*Вопрос:* Кто присутствовал при ваших беседах с иностранцами?

*Ответ:* Отказываюсь отвечать.

На вопрос следователя, почему я отказываюсь отвечать, я сказал, что этот вопрос не по делу № 7,

---

\*) Я привожу по памяти, по-моему достаточно точно, вопросы и ответы, опуская стандартные фрагменты протоколов (предупреждения и т. д.).

и он не имеет права его задавать. Пришлось объяснить, что вопрос о причинах отказа от ответа на допросе относится к еще не возбужденному делу Чалидзе об отказе от дачи свидетельских показаний.\*\*).

4 апреля

*Начальнику следственного отдела КГБ  
генерал-лейтенанту Волкову*

### ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ДЕЛУ БРЕХТА

Мне стало известно, что неделю назад в СССР арестован бельгийский гражданин Брехт. Я не уверен, что нижеизложенное относится именно к арестованному Брехту — быть может, меня посещал его однофамилец.

Однако сообщаю, что примерно две недели назад меня посетил молодой блондин (кажется, он был в очках, хотя я могу ошибаться, ибо наружность его сама по себе располагает думать, что он носит очки). Мой друг взял на себя труд переводчика (разумеется, я не намерен сообщить имя этого друга, как и тех переводчиков, которые присутствовали при наших беседах впоследствии, однако с сознанием законной своей ответственности свидетельствую, что упомянутые лица не совершали противозаконных действий). Иностранец назвался Брехтом и собщиц,

---

\*\*) Следователи имеют обыкновение после каждого отказа напоминать об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний: это разумно расценивать как давление и угрозу, ибо закон обязывает следователя предупредить об ответственности лишь перед началом допроса.

что пришел ко мне от имени Фламандского комитета защиты прав человека. Ранее я слышал об этом творческом коллективе и выразил Брехту удовольствие в связи с представившейся возможностью творческих контактов с его Комитетом.

Я заявил также, что нашему Комитету прав человека важны творческие связи с солидными национальными и международными ассоциациями, изучающими проблему прав человека, и вспомнил с удовлетворением о моей встрече с директором Американского союза гражданских свобод м-ром Спайсером. Сказавши это, я напомнил иностранцу содержание ст. 5 Принципов нашего Комитета, в силу которой мы готовы к контактам лишь с организациями, не ставящими своей целью нанесение ущерба Советскому Союзу, и от себя добавил, что мы не желаем также контактов с организациями, преследующими какие-либо политические цели. Собеседник мой заверил меня в том, что деятельность Фламандского комитета далека от политики, и в том, что этот комитет дружелюбен Советскому Союзу.

Беседа была не длинна и затруднена необходимостью перевода, а также типичной западной наивностью в понимании советской жизни, той самой наивностью, которая приводит к искажениям в сообщениях западной прессы, в частности в том, что касается выступлений в защиту прав человека в СССР. Гость, кстати, и интересовался точностью сообщений о нашем Комитете, и я повторил ему известную информацию о Комитете — стандартный текст, подобный тому, что опубликован в моем интервью в «Ньюсуик».

Поговорили и о международных организациях. Я отметил, что мы уже сообщили о Комитете Международному институту прав человека Рене Кассена,

Лиге прав человека в Нью-Йорке, Федерации прав человека в Париже, однако не получили ответа. Тут я посетовал на почту и сказал, что если западные коллеги, изучающие права человека, хотят контактов с нами, то пусть пишут больше, тогда и при плохой почте что-нибудь да не потеряется. Я говорил также о наших трудностях в получении журналов по правам человека и документов ООН.

Коснулись в беседе и менее приятной мне организации — НТС. Мой гость что-то слышал о такой, и я иронически сказал, что НТС окажет нам большую услугу, если не будет печатать наших текстов в «Посеве»\*) и других своих изданиях вроде «Посева», ибо дух таких несолидных журналов явно политический, в отличие от наших текстов. Как я понял, собеседник мой не мог в этом помочь, ибо не связан с упомянутым «Посевом».

Такова была беседа в тот вечер. Через некоторое время, 26 марта, Брехт пришел ко мне и подал лист бумаги с вопросами о Комитете: его интересовала точная информация, на основе которой он мог бы упрекнуть прессу в искажениях (органам ГБ известно, сколько ошибок допустила пресса в сообщениях о Комитете). Вопросы были написаны от руки, по-английски, их было около пятнадцати. Беседа в тот вечер была совсем короткой, и я успел ответить лишь на несколько вопросов и согласился для продолжения интервью принять Брехта 28 марта. Он пришел 28-го, и я досказал свои ответы. Содержание вопросов и ответов я привожу ниже, а теперь сообщу о судьбе листа с написанными вопросами. После беседы 28-го я, за ненадобностью, порвал его и

---

\*) Вольпин обратил мое внимание на то, что я необоснованно связал в этом тексте «Посев» и НТС.

бросил в кастрюлю под столом, в которую обычно бросаю ненужные бумаги. На следующий день у меня был обыск по делу № 7, и содержание кастрюли подверглось подробному досмотру. Однако, впоследствии услышав об аресте Брехта и полагая, что это и есть мой собеседник, я обратился к содержимому кастрюли и был вознагражден находкой обрывков бумаги с английским текстом, которые, по расположению их в первоначальном порядке, составили документ, могущий быть важным в следственном производстве, если следствие заинтересуется беседами Брехта со мной. Удивление мое по поводу того, что во время обыска эти обрывки не были изъяты, быстро рассеялось благодаря воспоминанию о характере изъятия у меня материалов: это международно-правовые документы, в том числе Всеобщая декларация прав человека, документы юридической практики моих друзей, подшивка издаваемого мной журнала «Общественные проблемы» и т. д. Какое бы страшное впечатление ни производило изъятие таких материалов, ясно то, что следствие по делу № 7 интересуется больше проблемой прав человека, чем моими беседами с Брехтом, потому-то и остались неизъятыми упомянутые обрывки.

Из этих обрывков удалось склеить лишь верхнюю часть листа, на которой запечатлены полностью первые девять вопросов. Вспомнить подробно недостающие несколько вопросов мне не удалось. Помню лишь, что они были столь же безобидны и не менее наивны, чем первые, и помню последний смешной вопрос: «Чего вы ждете от 24-го съезда партии?»

Вот перевод текста, который удалось восстановить:

«1. Является ли Комитет легальным?»

2. Осуществляете ли вы контакты с другими Комитетами?»

3. Как много людей придерживаются ваших убеждений?

4. Вы хотите помочь властям. Каким образом?

5. Есть ли у вас пресс-служба?

6. Кто официальный представитель Комитета?

7. Какова ваша цель?

8. Реальна ли возможность контакта между Комитетом и другими национальными и международными организациями?

9. Что думают о Комитете власти?»

Человек, читавший мои статьи, ясно может представить себе характер моих ответов. В качестве ответа на первый вопрос я просто передал записку о правовом статусе Комитета, направленную прокурору г. Москвы. Это было 26-го марта. Брехт взял записку, но выразил сомнение в том, что ее пропустит таможня, и сказал о своих опасениях за меня, ибо в конце текста была указана моя фамилия. По поводу опасений я просто посмеялся, сказавши, что моя фамилия известна властям и что я действую только открыто. Что касается таможни, то я пустился в рассуждения о том, что иностранцы имеют искаженное представление о советской демократии: она гораздо шире, чем думают на Западе. Теперь я опасюсь, что слишком смело распространил теоретический тезис о широте советской демократии на таможенное ведомство. Невероятно, но вдруг именно моя записка доставила неприятность западному коллеге? Как бы то ни было, моя записка до очевидности легальна и надеюсь, что никому не принесет страданий.

На вопрос о представительстве я цитировал регламент, но сказал, что в контактах с иностранцами Комитет буду представлять только я. Остальные ответы трафаретны.



Таковы известные мне обстоятельства визита ко мне бельгийца Брехта.

Веря, что мой западный коллега не совершил ничего враждебного советскому государству, я хотел бы содействовать скорейшему разрешению возникших у него, как я надеюсь, кратковременных недо-разумений и хотел бы поэтому быть приглашенным в качестве свидетеля на следствие и на суд.

Веря в скорое разрешение возникшей неприятности, я тем не менее спешу успокоить президента Фламандского комитета, адрес которого оставил мне Брехт, и сообщить ему то, что я изложил здесь: для этого я направляю этот текст ему и, разумеется, как это у меня принято, не делаю из него тайны для других.

В. Ч а л и д з е

Р. С. Склеенный документ передам при встрече.

4. 04. 71

*6 апреля*

Вечером мне позвонил сотрудник КГБ *Карташев* и сообщил, что генерал получил мое письмо и поручил побеседовать со мной. Я не интересовался, кто будет беседовать — сам предложил, почему бы и не поговорить. Просили прийти с утра.

*7 апреля*

Меня принял майор *Севастьянов*, тот, что принял постановление о производстве у меня обыска 29 марта. Он был приветлив и почтителен. Обещанный *Волкову* склеенный документ я принес, и часа полтора мы занимались оформлением протокола о передаче документа. Две местные машинистки сошли

за понятых: я был настроен добродушно и не соби-  
рался придирааться к «мелочам».

Когда передача документа была процессуально оформлена, майор напомнил мне о том, что я пред-  
ложил генералу вызвать меня свидетелем по делу  
бельгийца, и предложил начать допрос. Я было уди-  
вился, что и таинственным делом № 7 и делом бель-  
гийца занимается майор Севастьянов, и тут оказа-  
лось, что это одно и то же дело. «Если вы помните  
допрос по делу № 7, то вам нетрудно самому об  
этом догадаться», сказал майор. Согласившись, я од-  
нако, заметил, что процессуальный закон не обяза-  
вает меня догадываться, но зато обязывает следова-  
теля указывать, по какому делу допрашивается сви-  
детель: вряд ли сообщение номера дела без указа-  
ния, кто обвиняемый и в чем обвиняется, есть пра-  
вильное исполнение требований закона.

В начале допроса я предложил дать собственно-  
ручные показания о том, что мне известно по делу  
бельгийца. Оказалось, что его правильная фами-  
лия Себрехтс, и я отметил в протоколе, что я мог  
напутать. В собственноручных показаниях я напи-  
сал почти все, что было в письме.

Затем последовали вопросы:

*Вопрос:* С кем к вам в первый раз пришел ино-  
странец?

*Ответ:* Отказываюсь отвечать на этот вопрос, т. к.  
не хочу называть имен лиц, присутствовавших или  
случайно зашедших во время моих бесед с ино-  
странцем.

*Вопрос:* Кто дал иностранцу ваш адрес?

*Ответ:* Отказываюсь отвечать.

Последовали пререкания о том, что, отказываясь от ответов, я противопоставляю себя следствию и что это производит обо мне неблагоприятное впечатление. На это я сказал, что обыск произвел на меня неприятное впечатление, и я не желаю того же тем, чьи фамилии я здесь назову в связи со встречами с иностранцем.

*Вопрос:* Намеревались ли вы, кроме записки, дать Себрехтсу еще какие-либо документы?

*Ответ:* Не помню, что именно, но в процессе беседы я показывал Себрехтсу свои статьи и документы Комитета прав человека и не возражал бы, если бы он захотел их взять.

*Вопрос:* Не передавали ли в вашем присутствии ваши знакомые каких-либо документов иностранцу?

*Ответ:* Этот вопрос связан с теми, на которые я отказываюсь отвечать.

В непротокольной беседе я спросил, не стало ли чего известно о деле Буковского — в эти дни я и мои друзья были обеспокоены неизвестностью о нем. «Вроде бы ничего неизвестно, — ответил следователь и добавил: — Вот вы не хотели называть фамилий, а Буковского все же назвали». Я был удовлетворен полученной таким образом информацией, а в ответ стал говорить, что я обеспокоен за Буковского и у Юзепчука также спрашивал об этом.

После подписания протокола майор меланхолически заметил: «У вас там при обыске нашли аппаратуру...» На мое удивление он пояснил, что имеет в виду фотоаппарат «Минокс» и репродукционную установку. Он просил принести завтра эту аппаратуру «нам на некоторое время». Я не скрыл, что это для меня неожиданность и подтвердил, что у меня

действительно есть «Минокс» со штативом, но это имущество у меня давно и оно не запрещенное; передавать его в КГБ я не буду, ибо не вижу, чтобы это относилось к делу. «Вы увидите, как оно относится к делу» — сказал майор многообещающим тоном следователя. Он долго меня уговаривал добровольно выдать фотоаппарат. Я отказывался и отвечал, что не сделаю этого, но он, если угодно, может произвести у меня второй обыск и изъять, что захочет. Я видел, что ему не хочется устраивать обыск, но не считал возможным избавить его от этой неприятной процедуры. Пришлось подождать, и вскоре в сопровождении трех сотрудников я ехал домой на второй обыск.

Настроение было скверное, и почтительность чекистов была единственным утешением — я уже начал думать, что в показаниях запуганного иностранца отыщется путаница против меня. По пути заехали в милицию за понятыми-дружинниками, это оказались двое простых и спокойных парней. Уже на квартире мне было предъявлено постановление на обыск, датированное... 5-м апреля.

Старший лейтенант, руководивший обыском, медлил, стремясь сделать все чин по чину. Я показал, где лежит то, что их интересовало, но отказался выдать это добровольно, предложил изъять, что и было ими исполнено. Изъяты были аппарат, штатив, кассеты, непроявленные пленки и экспонированная пленка с моим портретом, и листок с адресом, который оставил мне Себрехтс.

Протокол я опять не подписал. Этот визит чекистов был спокойнее и с большим человеческим тактом.

## ПРОТОКОЛ ОБЫСКА

г. Москва, 7 апреля 1971 г.

Следователь Следственного отдела КГБ при СМ СССР старший лейтенант Соколов и сотрудники КГБ при СМ СССР лейтенанты Хориков и Козлов по поручению ст. следователя Следственного отдела КГБ при СМ СССР майора Севастьянова, на основании его постановления от 5 апреля 1971 года, в присутствии понятых: Кручинина Виктора Герасимовича, проживающего по адресу: Москва, 2-ой Лазоревский пер., д. 21/23, кв. 14, Шевякова Евгения Александровича, проживающего по адресу: Москва, ул. Арх. Власова, д. 33, кор. 2, кв. 58, руководствуясь ст. ст. 167-177 УПК РСФСР, произвели обыск в квартире Ч а л и д з е Валерия Николаевича по адресу: Москва, Сивцев-Вражек, дом 43, кв. 24.

Вышеперечисленным лицам разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу тех или иных его действий. Понятым, кроме того, разъяснена их обязанность, согласно ст. 135 УПК РСФСР, удостоверить факт, содержание и результаты обыска.

Подпись

Подпись

Перед обыском Чалидзе В. Н. было предъявлено постановление о производстве обыска от 5 апреля 1971 года.

После чего ему было предложено выдать документы и предметы, могущие иметь значение для дела, в частности фотоаппарат «Минокс» с кассетами и принадлежностями к нему и т. д.

Гражданин Чалидзе заявил, что предметов и документов, относящихся к делу, у него нет. Одновре-

менно он заявил, что у него действительно есть фотоаппарат «Минокс» с кассетами и штативом и инструкцией.

По заявлению Чализде фотоаппарат находится в правом ящике письменного стола, там же находятся кассеты с фотопленкой, штатив же находится на посудном шкафу. Одновременно он положил на стол листы белой бумаги с записями на лицевой и оборотной сторонах.

После этого был произведен обыск.

При обыске обнаружено:

1. Листок бумаги белого цвета с записями на иностранном языке, исполненными синим красителем. На одной стороне запись начинается «ВАКОЕ...» и заканчивается «...09/213324», на другой стороне листка запись начинается: «ВАКОЕ...» и заканчивается «...Belgium».

2. Фотоаппарат «Мinox» № 801593 без фотопленки, в картонном футляре черного цвета.

3. Шесть кассет к фотоаппарату «Мinox», находящиеся в черных пластмассовых футлярах, без пленки.

4. Четыре кассеты к фотоаппарату «Минокс», находящиеся в черных пластмассовых футлярах, с пленкой. На кассетах имеются номера 5618, 7720, 7840, 5614.

5. Три упаковочные бумажки к футлярам микропленки. На них написано «Минокс».

6. Отснятая и проявленная фотопленка «Минокс» с 21 кадром. На семи кадрах изображен мужчина.

Перечисленные в пп. 2-6 предметы находились в железной черной коробке с надписью «Black Magic» и были обнаружены в правом верхнем ящике письменного стола.

7. Две инструкции на иностранном языке к фотоаппарату «Минокс».

8. Киноплёнка, упакованная в черную бумагу и вложенная в жестяную круглую коробку белого цвета.

9. Штатив (репродукционный) с тросиком. Штатив обнаружен на посудном шкафу.

Перечисленные в пп. 7 и 8 предметы были обнаружены в письменном столе.

Предметы, указанные в пп. 4, 8 вложены в конце обыска в пакет, который был прошит и опломбирован пломбой № 1 Следотдела КГБ при СМ СССР.

Все, перечисленное в пп. 1-9, изъято в Следственный отдел КГБ при СМ СССР.

Обыск начат в 16 часов 35 минут, окончен в 18 часов. Дополнений и заявлений от понятых и Чалидзе В. Н. не поступило.

Протокол прочитан следователем, записан верно.

После прочтения протокола Чалидзе В. Н. заявил, что от подписания протокола отказывается.

Понятые:	подпись	(Кручинин)
	подпись	(Шевяков)

Обыскиваемый:	—	(Чалидзе)
---------------	---	-----------

Сотрудники:	подпись	(Хориков)
	подпись	(Козлов)

Следователь Следотдела КГБ при СМ СССР ст. л-т.	подпись	(Соколов)
---	---------	-----------

Копию протокола получил:	—	(Чалидзе)
--------------------------	---	-----------

8 апреля

Я пришел по повестке на допрос и еще более утвердился в мрачных предчувствиях. Вот протокол:

*«Вопрос:* На обыске 7 апреля у вас изъят фотоаппарат «Минокс». Когда, как и с какой целью вы приобрели его?

*Ответ:* Отказываюсь отвечать.

*Вопрос:* Среди изъятых у вас кассет есть пустые. Что вы фотографировали?

*Ответ:* Отказываюсь отвечать.

*Вопрос:* Следствие располагает сведениями, что вы изготавливали микрофильмы документов и переправляли их за границу.

*Ответ:* На этот вопрос я также отказываюсь отвечать и заявляю, что т. к. вопросы относятся лично ко мне и т. к. обыск 7 апреля не относится к делу Себрехтса, я от показаний отказываюсь».

«Сейчас вы увидите, что это все относится к делу» — сказал следователь, и после долгих поисков взял из сейфа несколько машинописных страниц, нашел нужное место и стал писать в протокол:

*Вопрос:* «На допросе Себрехтс показал: Чалидзе просил меня переправить за границу некоторые документы с дипломатической почтой, а когда это не получилось, решил сделать микрофильмы для отправки за границу». Что вы можете сказать об этом?

*Я ответил:* «Это — ложь». Следователь *записал:* «показания иностранца являются ложными» — меня не волновало это грубое искажение (моя оценка — «это — ложь» относится и к вопросу), т. к. я не собирался подписывать то, что следует в данном протоколе за моим отказом от показаний (и подписал только отказ). Беседу же я продолжил, потому что мне было интересно.

«Не протокольно» следователь поинтересовался, почему я агрессивно и подозрительно настроен. Я со-



общил, что после вчерашнего обыска, я подозреваю, что против меня фабрикуется дело, основанное на показаниях иностранца, которого легко запугать, т. к. он не знает советских законов. Я сказал, что не хочу быть в этом деле свидетелем, ибо меня уже в чем-то обвиняют. Я потребовал предъявить мне обвинение, чтобы я получил процессуальные возможности для дискуссии с этим обвинением.

После этих пререканий майор попросил меня прийти на завтра к 10 часам, на что я ответил: «Вы правы, пора проводить очную ставку».

В этот раз я получил не свидетельскую повестку, а просто приглашение прийти.

*9 апреля*

Я пришел к Севастьянову в 10. Вскоре привели Себрехтса. В темно-синем тюремном костюме, руки в рукавах тюремной куртки. Состояние подавленное. Он грустно кивнул мне, поклонился переводчице, сел за столик.

Перед началом очной ставки майор очень ласково спросил Себрехтса, удовлетворены ли его просьбы. Да, ответил Себрехтс, только вот печенье еще не доставили, но сегодня обещали это сделать. Мне следовало бы опротестовать непротокольные бытовые разговоры, ссылаясь на кроющуюся в этой тематике возможность давления на показания, но день был солнечный и мне не хотелось портить настроение присутствующим.

Затем следователь спросил Себрехтса, знаком ли он со мной, как относится. Знаком, был у меня три раза, отношения нормальные. Такой же вопрос мне. Подтверждаю знакомство. «Как вы относитесь к Себрехтсу?» — с этого вопроса самое время присту-

пить к осуществлению программы моральной помощи Себрехтсу. Долго думаю и диктую ответ: «Я отношусь к Себрехтсу хорошо. Я не верю, что он совершил преступление». Начались пререкания. Следователь считает, что не зная материалов дела, я не вправе говорить о том, верю я в преступление или нет. Я считаю, что как раз при недостатке знаний приходится прибегать к вере. Следователь считает, что вопрос о преступлении не относится к заданному вопросу об отношении к Себрехтсу. Я разъясняю ему, что при построении ответа, я старался мыслить его категориями, а не правда ли, он будет удивлен, услышав, что я хорошо отношусь к человеку, веря что он занимался антисоветской пропагандой. Это его убедило, и в конце концов мы пришли к компромиссу: Ответ: «Я отношусь к Себрехтсу хорошо, ибо не верю, что он совершил преступление». Ответ переводят Себрехтсу и мне кажется, что лицо его светлеет.

Далее следователь цитирует Себрехтсу его показания на допросе 3 апреля о том, что Чалидзе просил Себрехтса переправить за границу Рене Кассену и Спайсеру какие-то свои документы через дипломатическую почту и, когда это не получилось, собирался сделать с этих документов микрофильмы. Чалидзе также согласился получать микрофильмы из-за границы. Себрехтс подтверждает свои показания и рассказывает, что при первой встрече он получил от Чалидзе ряд документов, но побоялся взять их с собой, ибо не знал пропустит ли их таможня. Тогда он хотел отправить их, эти документы, с дипломатической почтой через своего знакомого мосье Коршона. Но в бельгийском посольстве ему сообщили, что дипломатическая почта не принимает отправления документов частных лиц. Себрехтс сказал так-

же, что тот документ, который у него нашли в на-  
тельном поясе, он получил не от Чалидзе. В рас-  
сказе о наших встречах Себрехтс упомянул, что  
пришел ко мне с Вольпиным. Следователь заявил:  
«Поскольку Чалидзе не называет фамилий лиц,  
присутствовавших при беседах, вы также в своих  
показаниях не должны называть фамилий».

Я высказал свое удивление таким вмешательст-  
вом в свободу показаний, следователь пообещал за-  
нести это в протокол, что и сделал в конце очной  
ставки.

Временами, когда следователь писал, Себрехтс пы-  
тался показывать мне какие-то знаки. Так он много-  
значительно указал пальцем на следователя, потом  
на стену, потом на ухо. Я махнул рукой, давая по-  
нять, что это неважно.

*Вопрос ко мне:* Подтверждаете ли вы показания  
Себрехтса?

*Ответ:* В показаниях Себрехтса много напутано.  
Прежде чем ответить на ваш вопрос, я хочу задать  
Себрехтсу ряд вопросов.

Ссылаясь на законный порядок ведения очной  
ставки, майор предложил мне задавать вопросы Себ-  
рехтсу в конце встречи. Я заметил, что закон не ре-  
гламентирует такого порядка ведения очной ставки,  
а лишь предусматривает, что вопросы задаются с  
разрешения следователя. Но я и не намерен зада-  
вать вопросы без разрешения следователя; я готов  
получить от следователя мотивированное неразре-  
шение, когда вопрос будет поставлен.

В дальнейших пререканиях об этом я заметил, что  
возможно не закон, а какие-либо инструкции пред-  
усматривают возможность обмена вопросами лишь  
в конце очной ставки: эти инструкции мне, конечно,  
интересны, но ни к чему меня не обязывают. Я за-

метил также, что буду удовлетворен, если следователь, записав мой вопрос в протокол, протокольно же и мотивированно не разрешит задавать этот вопрос Себрехтсу. Наши пререкания, конечно, не переводились Себрехтсу, но известное моральное значение для него, наверное, имел тот факт, что я был спокоен, а следователь, видимо, раздражался. И не раз. Несколько раз он напоминал мне, что я не следователь и не я провожу очную ставку. На это я заметил, что я действительно не следователь, но что мне сегодня, именно в качестве свидетеля, хотелось бы подписать протокол.

Наконец, мне было разрешено задавать мои вопросы Себрехтсу. Вот они и ответы на них.

*«Вопрос Чалидзе Себрехтсу:* В беседе я приветствовал творческие научные контакты, но Себрехтс спросил меня: может ли Фламандский комитет оказать практическую помощь нашему Комитету? Как я ответил на этот общий вопрос?

*Ответ Себрехтса:* Я задавал такой вопрос, и в ответ Чалидзе отрицательно покачал головой. Я понял, что он не хочет никакой практической помощи.

*Вопрос Чалидзе Себрехтсу:* Просил ли я передавать документы или я согласился дать Себрехтсу те документы, которые его интересовали?

*Ответ Себрехтса:* Чалидзе вовсе не просил меня что-либо перевозить за границу. Он показал мне какие-то документы во время беседы, и когда услышал, что я боюсь их взять, сразу же отобрал их. Я хотел взять эти документы, но у меня не получилось».

После этого мне нечего было говорить, однако для ясности я пожелал дать собственноручные показания. Примерно такие:

В прежних показаниях Себрехтса много напутанного, но его ответы на мои вопросы точны и полностью разъясняют все недоразумения. Поясню следующее:

1. Я говорил Себрехтсу, что будет очень неприятно, если наши статьи будут публиковаться в «Посеве». Если уж западные комитеты интересуются нашими работами в области прав человека, то естественно, эту фразу он воспринял как просьбу передать Рене Кассену мои статьи. О Спайсере говорили как о человеке, уже посетившем меня, и как о деятеле весьма уважаемом. Не помню, чтобы я что-нибудь просил передать ему, но вряд ли, так как я вообще отказался от какой-бы то ни было практической помощи\*).

2. Действительно, в процессе беседы я показывал Себрехтсу какие-то свои комитетские статьи и некоторое время они были у него в руках. Я, разумеется, не возражал бы, если бы он захотел их взять, но услышав о его опасениях, касающихся провоза через таможенную, тут же забрал эти документы. По-видимому, Себрехтс все же хотел их взять и искал путь переправки, в том числе интересовался дипломатической почтой. Но это его право. Что до меня, то мои и комитетские документы не являются противозаконными и я не намерен интересоваться тем, кто, как и куда их будет перевозить.

3. Разговор о микрофильмах действительно был: я сожалел, что нам недоступны многие документы по правам человека Организации Объединенных Наций. Себрехтс спросил, удобно ли нам читать мик-

---

\*) Примечание при публикации: Здесь в моих показаниях допущена ошибка: как припоминаю теперь, я просил Себрехтса передать доктору Спайсеру поклон.

рофильмы, на что я ответил, что нас интересует содержание документов ООН, а не то в каком виде они исполнены. Возможно, этот разговор он воспринял как просьбу о привозе микрофильмов. Что касается изготовления микрофильмов, то возможно Себрехтс сделал такой вывод из того, что когда он неожиданно пришел ко мне 26 марта, я как раз, решив попробовать, как получается репродуцирование фотоаппаратом «Минокс», фотографировал для пробы какой-то текст (так у меня ничего и не получилось в этот раз). Возможно, он решил, что я делаю микрофильмы для него, но это была учебная, пробная съемка; никаких микрофильмов я ему не давал.

Таковы мои собственноручные показания на очной ставке. Когда я закончил их писать, следователь спросил Себрехтса, почему его ответы на мои вопросы противоречат ранее данным показаниям. Я потребовал перевести Себрехтсу мои собственноручные показания, а лишь затем задавать Себрехтсу дальнейшие вопросы. Следователь возразил, что это неважно, и что в конце очной ставки весь протокол будет переведен Себрехтсу. Я был удивлен и выразил сожаление в связи с тем, что это отступление от естественного хода очной ставки вынудит меня сделать соответствующее дополнение к протоколу. Последовало сильное раздражение следователя и пререкания, но Себрехтс все же услышал перевод моих показаний, а затем получил вопрос о противоречиях в его показаниях. Он сказал, что не лгал ранее на допросах, но выражался неточно. Сегодня на очной ставке он правильно ответил на вопросы Чалидзе и он подтверждает показания Чалидзе. Последнее высказывание пока не попало в протокол. Себрехтсу было предложено задавать мне вопросы.

*«Вопрос Себрехтса Чалидзе: Я прошу мосье Чалидзе сказать, как он ответил на мой вопрос о том, не являются ли документы, которые я хотел взять у него, противозаконными?»*

*Ответ Чалидзе: Я сказал, что все документы, которые вы видите у меня, известны властям, и не содержат ничего противозаконного. Я сказал также, что если я дал какой-то документ, вы можете кому угодно говорить, что этот документ получен вами от меня.*

*Вопрос Себрехтса Чалидзе: Было ли в наших беседах что-либо противозаконное?»*

*Следователь заявил, что этот вопрос не относится к теме очной ставки; я не возражал, но с разрешения следователя через переводчика подтвердил Себрехтсу, что в наших встречах не было ничего противозаконного.*

*Очная ставка закончилась моим вопросом Себрехтсу, подтверждает ли он мои показания. Утвердительный ответ был внесен в протокол.*

*Охранники увели приободренного Себрехтса, и я сказал следователю: «Вчера я опасался клеветы в показаниях запуганного иностранца; сегодня я с радостью убедился, что он — парень честный и готов исправить допущенные в показаниях ошибки».*

*11 апреля*

*Начальнику Следственного отдела КГБ  
генералу Волкову*

*Прошла неделя с того дня, как я обратился к Вам с письмом, предлагая свои свидетельские услуги по делу Себрехтса (в том письме я ошибочно на-*

звал его Брехтом). Мое предложение было Вами принято, и я был допрашиваем следователем майором Севастьяновым. Оказалось, правда, что я уже раньше был свидетелем по этому делу: просто при обыске (на котором был изъят мой архив и архив Комитета прав человека) и допросе 29 и 30 марта мне не сообщили, что дело № 7 — это дело Себрехтса.

Следственные события с моим участием на прошлой неделе развивались по меньшей мере странно. 7 апреля я передал следствию склеенный документ, обещанный в моем письме к Вам от 4. 4. 71 г., а затем переписал в протокол допроса содержание этого письма. Дальнейшие события удивляли.

За три дня майор Севастьянов не задал мне ни одного вопроса о противозаконной деятельности Себрехтса, обвиняемого по статье 70 в антисоветской пропаганде. Даже если следователь начал распутывать детективный клубок издали и в конкретных вопросах еще не подошел к противозаконным действиям Себрехтса, то по закону он в начале допроса должен спрашивать, что мне известно об обстоятельствах дела. Под обстоятельствами дела закон, конечно, подразумевает то, что относится к противозаконным, а именно, инкриминируемым деяниям. Я же в начале допросов был спрашиваем об обстоятельствах аудиенции, данной иностранцу, но не о том, занимался ли он антисоветской пропагандой, передавал ли мне какие-либо антисоветские материалы. Правда, Себрехтс не передавал мне антисоветских материалов (и вообще никаких), и похоже, следователь об этом хорошо знает. Но тогда меня не о чем больше допрашивать по делу Себрехтса.



Меня же допрашивали не о Себрехтсе, а обо мне и, к тому же, на втором обыске 7-го апреля изъяли фотопринадлежности, которыми я владел задолго до приезда Себрехтса. Меня спрашивали о моих действиях, приписывая мне хотя и не криминальные, но могущие скомпрометировать, поступки. Это привело к тому, что я потребовал предъявить мне обвинение. К счастью, недоразумения рассеялись на очной ставке: оказалось Себрехтс неточно выразился в своих показаниях, а следователь истолковал сказанное не в мою пользу.

Но я вынес грустное впечатление от встречи с Себрехтсом. Я уже заявил в протоколе очной ставки, что не верю в преступность действий Себрехтса: я думаю так и теперь. Но важно, чтоб Себрехтс мог квалифицированно организовать свою защиту. Я вижу, что это ему трудно. Он не знает советской жизни, он наивно ее воспринимает. Он не знает советских законов; поэтому не может дискутировать с обвинением и выработать оптимальную защитную позицию. Не зная законов, будучи морально подавлен, ибо находится среди чуждых по духу людей, он может отдельные процессуальные нарушения, допускаемые следователем, считать соответствующими советскому закону. Я не хочу этим сказать, что следователь часто нарушает закон: нет, протоколы ведутся правильно, переводчик аккуратен, но отдельные упущения в работе всегда бывают и могут затруднить защиту. Вот пример: Себрехтс назвал имя человека, который привел его ко мне. Следователь через переводчицу заявляет: «поскольку Чалидзе не называет фамилий лиц, присутствовавших при беседах, вы также не должны называть фамилий» — мне очевидна недопустимость такого вмешательства в свободу показаний, и я сде-

лал об этом заявление в протоколе, а Себрехтс отныне может думать, что советский закон допускает такую форму давления следователя на показания обвиняемого.

В другом случае следователь по моему настоятельному требованию исправил упущения: он хотел было задавать Себрехтсу дальнейшие вопросы, но сообщив через переводчика данных мною собственноручных показаний и от Себрехтса не поступило и не могло поступить, за незнанием закона, протеста об этом, хотя такой оригинальный порядок проведения очной ставки, разумеется, ограничивает возможности обвиняемого защищаться. Я уже не говорю о том, что при незнании языка Себрехтс не понимает всего, что говорится на очной ставке, ибо ему переводят лишь то, что попадает в протокол — можно спорить, что говоримое вне протокола не важно, но будем помнить, что лицо, владеющее, знающее язык следствия, слышит и учитывает все разговоры, даже непротокольные пререкания, поэтому лицо, не знающее языка, оказывается в сравнительно невыгодном положении — именно это, а не вопрос о важности, является в данном случае критерием, и дух советского закона требует, чтобы лицо из-за незнания языка не оказалось в невыгодном положении.

Хотя требования закона в отношении Себрехтса в общем выполняются, у меня все же создалось грустное впечатление о его способности организовать свою защиту. Причиной тому и незнание советских законов (а он юрист, и знание европейского права может в данном случае быть помехой), и наивность в понимании советской жизни, и западные предрассудки о тех ограничениях, которые якобы накладывают на осуществление информационного обмена.

Подумать только, ведь он, наверно, даже не знает о своем праве отказаться отвечать следователю. Все сказанное не означает, что следователь пристрастен или намеренно затрудняет защиту — нет, но и при беспристрастном следствии обвиняемый может защищаться квалифицированно.

Я надеюсь, что встреча со мной на очной ставке морально подбодрила Себрехтса, но это еще не решает всех проблем его защиты. Я ходатайствую настоящим о предоставлении (по выбору Себрехтса) бельгийскому адвокату доступа к материалам дела. Я ходатайствую также об освобождении Себрехтса под залог на время следствия. Я надеюсь, что Фламандский комитет защиты прав человека окажется в состоянии внести необходимую сумму залога; если нет, я думаю, мой авторитет среди ученых, изучающих науку о правах человека, достаточен для того, чтобы другие правозащитные организации откликнулись на мой призыв и внесли требуемую сумму.

11. 4. 71 г.

В. Ч а л и д з е

*19 апреля*

Газета «Известия» опубликовала статью К. Брянцева «Под фальшивой личиной». Вот выдержка о Себрехтсе.

«Студент-дипломник юридического факультета Лувенского университета, которому в конце апреля предстоял заключительный экзамен на звание доктора прав, бросил папашу-коммерсанта, многочисленную родню и невесту Одетту и сломя голову ринулся в Москву, чтобы, как он утверждал на

первом допросе, ознакомиться с «вопросами работы юридического аппарата» СССР.

И если знакомство состоялось совсем не так, как рассчитывал Хуго Себрехтс, то пенять за это он должен исключительно на себя и на господ из того же «Фламандского комитета», которые снарядили его для антисоветской подрывной деятельности. Справедливости ради надо заметить, что именно так в конце концов и расценил Хуго Себрехтс все, что с ним произошло в Москве, когда ему, как и Жозефу Хемскоту, на основании неопровержимых улик было предъявлено обвинение в подрывной деятельности против СССР.

Метром Хемскота был Роже де Би. Себрехтса завербовал некий господин Жак. Убедившись на следствии, что он полностью изобличен и отпираться бессмысленно, недоучившийся правовец начал размазывать слезы раскаяния, просить о прощении, хныкать, что он стал жертвой обмана со стороны Жака. По своей инициативе Себрехтс собственноручно написал: «Можно легко заблуждаться, если постоянно получаешь неправильную информацию». А тогда в Лувене, согласившись стать эмиссаром «Фламандского комитета», он деловито уточнял вопросы, которые следует выяснить при встречах с «нужными людьми», адреса. Для вящей конспирации Себрехтс зашифровал их на третьем и восьмом листах «конспекта» лекций среди терминов торгового права и нотариальных казусов. Инструктивный вопросник, составленный Жаком для московских адресатов, тоже был закамуфлирован под лекционный листок.

Предусмотрительные опекуны снабдили Себрехтса всем необходимым, чтобы он выглядел заправским туристом. Он прихватил с собой даже загодя на-

писанные на каждый день письма любящей невесты, в которых она наставляла его «подзаправиться (!) новой порцией мужества». Днем, глотая успокоительные пилюли (при обыске у него был обнаружен довольно внушительный аптекарский запас) и шкодливо озираясь по сторонам, Себрехтс в своих дымчатых очках петлял по Москве, развозя антисоветскую литературу и письма (полученное ответное письмо, которым никак не воспользоваться теперь г-ну Жаку и Ко., Себрехтс зашил в широкий карман пояса). А отходя ко сну читал очередное идиллическое послание Одетты: «Хугочка, что намечено у тебя по программе? Сегодня, может быть, ты пойдешь в оперу или музей?» Какая там опера! У него своя «партитура», расписанная для него бельгийскими хозяевами.

Приближался срок отъезда. Скрупулезный Хуго сделал пометку в записной книжке, чтобы по приезде домой не забыть заказать кондитеру шоколадные яйца. В заготовленном Одеттой на воскресенье, 28 марта, эпистолярном опусе выражалась надежда, что ее «маленький мотылек» живет «в хорошем номере и не чувствует себя одиноким». Все так и оказалось. В тот день «мотылек» сел. Как сели до него его приятель Люк Кинтин, тоже попавшийся в свое время на удочку «Фламандского комитета», и другие разносчики антисоветских пасквилей.

После того как бельгийские боссы уразумели, что операция с засылкой двух «туристов» в Советский Союз с треском провалилась, от имени «Фламандского комитета» была спешно распечатана кипа листовок. Я видел одну из этих бумажек, предназначенных для распространения в Советском Союзе. Уже известный нам Роже де Би вкупе с генеральным секретарем «комитета» Виктором Ван Бранте-

гемом (в свое время оба эти господина были выдворены из Москвы за хулиганские антисоветские действия) пустили крупную слезу по поводу «незаконного» задержания Хемскота и Себрехтса. Дескать, «молодые фламандцы поехали в вашу страну как мирные туристы, чтобы ближе познакомиться со страной и народом».

Полноте, господа! Юмор, как видно, и не ночевал под крышей дома 58 по улице Грунштат, в Антверпене, где обосновался секретариат «Фламандского комитета». Как показал на допросах «мирный турист» Себрехтс, он знал, что «комитет» дает специальные задания лицам, выезжающим в Советский Союз. Именно такое задание ему и было поручено Жаком. Кстати, по словам Себрехтса, он не уверен, что Жак — настоящая фамилия этого человека. Как некая масонская ложа «комитет» засекречивает персональный состав, его общая структура такова, что не все члены этой организации знают друг друга, и, как правило, называют себя кличками.

Поведал Жак своему подопечному и то, что в общем-то уже не составляет большого секрета, а именно — существование у «Фламандского комитета» прямых контактов с НТС — этим осиным гнездом шпионажа и диверсий, направленных против Советского Союза и других социалистических стран. Не случайно, конечно, лазутчики «комитета» в числе антисоветских материалов усиленно пытаются распространять энтезсовские издания.

Что же остается от фиговых листков «борца за права человека», «идеалистов, далеких от политики», которыми пытаются прикрыть свою духовную наготу, свое моральное убожество господа — «филантропы» из «Фламандского комитета» и ему по-

добных организаций? Остается очевидная и становящаяся все яснее для мировой общественности роль антисоветских рупоров и подрывных центров, действующих в тесной координации, постоянно обменивающихся информацией и финансируемых зачастую из тех же источников, которые субсидируют деятельность западных разведслужб и различных радиоголосов.

Характерно, что «почерк» провокационных действий у организаций типа бельгийского «Фламандского комитета», профашистской итальянской «Эуропа Чивильта», скандинавских «Смогов» и им подобных — один и тот же. В качестве исполнителей антисоветских акций они охотно вербуют юнцов и девиц, не стесненных законами морали, но обычно стесненных в денежных средствах и падких до скандальных авантур. Внутренне опустошенные, не гнушающиеся наркотиками и сексуальными извращениями, эти люди — готовые кадры для опытных антисоветчиков, специалистов по части различных диверсий и провокаций. Выпутаться из их сетей не так просто, очень легко увязнуть, стать разменной монетой в той «холодной войне», которую ведут против нашей страны международные империалистические круги.

Учитывая, что задержанные с поличным Хемскот и Себрехтс дали развернутые показания по существу совершенного ими преступления и тем помогли следствию, принимая во внимание их молодость и исходя из соображений гуманности, советские компетентные органы приняли решение не предавать Хемскота и Себрехтса суду и выдворить их из пределов Советского Союза. Оба они покинули территорию СССР. Министерство иностранных дел СССР сделало представление посольству Бель-

гии в Москве, обратив внимание бельгийских властей на недопустимую провокационную деятельность «Фламандского комитета».

Наша страна ежегодно принимает у себя миллионы зарубежных туристов. Те, кто приезжает к нам с добрыми намерениями, всегда могут рассчитывать на гостеприимство советских людей. Но разносчикам пасквилей, антисоветской контрабанды путь к нам заказан. Раз и навсегда».

22 апреля

Редактору «Известий»

Читал в Вашей газете в понедельник статью К. Брянцева о деле двух бельгийцев. Отсутствие в статье информации о том, что же собственно инкриминировалось этим ребятам, и в какой части обвинение получило подтверждение более сильное, чем показания самих обвиняемых, конечно не делает выступление газеты убедительным для тех читателей, которые верят сообщениям не только благодаря их эмоциональной насыщенности. Это бы, впрочем, не беда, ибо таков привычный стиль, особенно в сообщениях о людях, которыми заинтересовались органы госбезопасности.

Но в статье допущена существенная для понимания всего дела ошибка. Именно, сказано: «Учитывая, что задержанные с поличным Хемскот и Себрехтс дали развернутые показания по существу совершенного ими преступления и тем помогли следствию, принимая во внимание их молодость и исходя из соображений гуманности, советские компетентные органы приняли решение не предавать Хемскота и



Себрехтса суду и выдворить их из пределов Советского Союза».

Известно, что проявлять гуманность и учитывать молодость имеет право если не суд, то лишь Президиум Верховного совета посредством акта помилования. Такого акта в отношении бельгийцев совершено, по-видимому, не было, ибо в приведенной цитате речь идет об органах, компетентных решать вопрос о предании суду. Таким органом, строго говоря, является суд, но передают дело в суд следственные органы через прокуратуру. Но эти органы не вправе прекращать уголовное дело до суда по каким-либо основаниям, кроме перечисленных в законе. В числе этих оснований закон не указывает соображений гуманности, а указывает (опускаю основания заведомо неприменимые к данному казусу), что уголовное дело подлежит прекращению в стадии предварительного следствия, когда в деяниях обвиняемого отсутствует состав преступления или не собраны достаточные доказательства при том, что исчерпаны все возможности собирания доказательств.

Видим, что в данном случае, дело могло быть прекращено до суда лишь в том случае, когда компетентным органам не с чем выходить на суд, нечем обосновать обвинение.

Говоря о соображениях гуманности, газета таким образом помогает органам оправдать возбуждение уголовного дела и трехнедельное содержание двух людей под арестом либо при отсутствии состава преступления, либо при отсутствии надежд на изыскание доказательств обвинения. А надо ли это оправдывать? Если компетентные органы освободили людей, не совершивших преступление или не

оставивших достаточных для осуждения улик, то это — правое дело, это то, что эти органы должны делать по закону.

22 апреля 1971 г.

В. Чалидзе

*Г-ну Роже де Би,  
президенту Фламандского комитета  
солидарности с Восточной Европой,  
58, улица Грунштат, Антверпен.*

Будучи полномочен представлять Комитет прав человека в Москве, я, в марте сего года, принял господина Х. Себрехтса, назвавшегося представителем Фламандского комитета защиты прав человека. Я выразил готовность иметь творческие контакты с этим комитетом в том, что касается изучения проблем прав человека.

Однако недавно я узнал из прессы («Известия», 19 апреля 1971 г.), что Себрехтс вроде бы представлял другой комитет, именно, Фламандский комитет солидарности с Восточной Европой. Если это так, то мое заявление о готовности к творческим контактам нашего Комитета с комитетом, который был представлен г-ном Себрехтсом, следует считать сделанным вследствие заблуждения и недействительным.

Это письмо я направляю по адресу, указанному в газете, ибо листок с адресом, оставленный мне г-ном Себрехтсом, был изъят при обыске.

Примите, г-н Президент, выражение моего сочувствия в связи с неудачами, постигшими легальную, как по-прежнему полагаю, миссию г-на Себрехтса.

22 апреля 1971 г.

В. Ч а л и д з е

*Начальнику Следственного отдела КГБ  
генералу Волкову*

Мне стало известно, что дело Себрехтса (дело № 7) производством прекращено. Полагаю, теперь следует вернуть мое имущество, изъятое на недавних обысках по этому делу.

22 апреля 1971 г.

В. Ч а л и д з е

1 мая

*Начальнику Следственного отдела КГБ  
генералу Волкову*

Мне до сих пор не привезли мое имущество, изъятое на обысках. Я даже не получил ответа на свое письмо Вам от 22 апреля 1971 г. Это тем более неприятно мне от того, что на письмо, в котором я предлагал передать следствию найденный документ, Вы откликнулись сразу.

Если при изъятии моего имущества Ваши сотрудники еще могли ссылаться на какие-то основания (например: «Мы это берем, ибо не знаем, имеет это отношение к делу или нет. По изучении, изъятое

имущество будет возвращено, если оно не имеет отношения к делу»), то после прекращения дела, наверно нет даже квазизаконных оснований удержания имущества, и закон гарантирует мне право отыскивать свое имущество из чужого незаконного владения.

Вы ставите меня перед необходимостью защищать свои права; увы, это самое скучное занятие в деятельности по правозащитной тематике, и я не уверен, что с должным вниманием отнесусь к защите своих прав.

Но даже защищая свои права, человек защищает и законность, и я напоминаю Вам, что ни гражданские законы, ни законы об уголовном процессе, ни доселе действующий сводный Закон о реквизиции и конфискации имущества 1928 г. не дает права органам КГБ удерживать мое имущество.

Советское право, впрочем, знало и иные основания безвозмездного отчуждения частной собственности. Так из Примечания 1 к статье 59 Гражданского кодекса 1922 года узнаем, что собственник не вправе требовать возвращения имущества, которое «было экспроприировано на основании революционного права или вообще перешло во владение трудящихся до 22 мая 1922 года». Ясно, что Ваша организация могла пользоваться этой формулой закона для удержания имущества, изъятого на обысках до 22 мая 1922 года, но, казалось бы, не до сих пор. Впрочем, я дилетант в советском законодательстве в том смысле, что могу знакомиться лишь с опубликованными законами. Как известно, не каждый закон публикуется, а тем более не каждая инструкция, не говоря уж о том, что телефонное указание начальства тоже иногда рассматривается как источник права. Поэтому, возможно и ныне есть закон-

ные основания на то, чтобы мое имущество «вообще перешло во владение» КГБ. Ясно при этом, что не слишком плохая правовая норма все же лучше, чем беззаконие, и поэтому я готов, из уважения к закону, если таковой (неопубликованный) есть, забыть о своих имущественных претензиях.

Но домогаясь возврата своего имущества, я помню не только о своих интересах.

Во-первых, мне неприятно, что многие друзья мои утратили данную мне для изучения деловую переписку. Правда, в смысле погашения гражданско-правовых обязательств визит чекистов испокон полувека приравнивался к стихийному бедствию, поэтому я могу надеяться, что друзья не будут мне чинить претензий. Но все-таки неприятно.

Во-вторых, меня беспокоит престиж Советского Союза как члена Объединенных Наций: печально, что существуют советские органы, полагающие возможным изъятие Всеобщей декларации прав человека и конвенций ООН по правам человека в качестве антисоветских материалов.

Печально также, что власти сочли возможным применить репрессию к Комитету прав человека — конфисковать его архив.

1 мая 1971 года

В. Чалидзе

3 мая

Получил письмо Ригермана из Нью-Йорка от 19 апреля. Вот выдержка:

«Недавний обыск в Вашей квартире был воспринят здесь с печалью особенно представителями орга-

низаций по правам человека, симпатизирующих Советскому Союзу. Они боятся, что репрессии против людей, занимающихся правами человека в Советском Союзе сильно подрывают авторитет этих просоветски настроенных организаций».

6 мая

С утра позвонил Севастьянов. Он только что вернулся из командировки и спешил позвонить, чтобы я не думал, что мои заявления останутся без ответа. Он намерен меня вызвать в ближайший понедельник для выяснения вопросов об имуществе.

Я заметил, что следует не обсуждать, а привезти мое имущество.

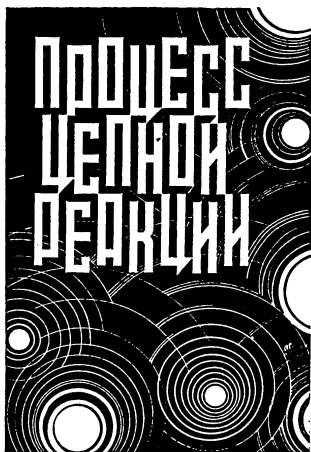
14 мая

Вернулось письмо (з. п. № 302 откр. 23 апреля), посланное Роже де Би по адресу из газеты, на конверте печать, кроме московских: «А Т....., Е....., 29-4, 2000». Наклейка «Инконю» и штамп «Ретур а ленву-айе» и надпись по-русски «не разыскан».

24 мая

Мне наскучило это дело. Имущества своего я вряд ли дождусь, а может быть не скоро дождусь конца событий, инициированных визитом Себрехтса. Пока что публикую эту подборку.

В. Чалидзе



**СБОРНИК  
ДОКУМЕНТОВ  
ПО ДЕЛУ**

*Ю. Галанскова,  
А. Гинзбурга,  
А. Доброволь-  
ского  
и В. Лашковой*

*Запись процесса, важнейшие документы  
и отклики на этот процесс как в Советском  
Союзе, так и за границей*

Книга карманного формата, 488 стр.

Художественная обложка работы

А. В. Русака

Цена — 18.80 н. м. В США и Канаде —  
6.50 ам. дол.

## «ДУХОВНОЕ ПРОЗРЕНИЕ» ЛЬВА КРАСНОПЕВЦЕВА

*Редакциям газет  
«Унита» и «Морнинг стар»*

7 июня 1967 г. газета Дубравного ИТЛ («Управление п/я ЖХ-385») для заключенных опубликовала покаянную статью Льва Краснопевцева, осужденного по одному делу со мной. Такой чудесный случай «духовного прозрения» и «перевоспитания», казалось, должен был — в свете известных событий, будоражащих нашу интеллигенцию последние годы, — получить самую широкую огласку. Однако советская пресса, хранившая десять лет абсолютное молчание о нашем аресте и судебном процессе, точно так же замолчала это выступление.

Хотя Краснопевцев счел нужным «признаться», что именно он якобы лишил ныне оппозиционную часть интеллигенции ее прежней «невинности», его удостоили лишь «мини-гласности» на страницах нераспространяемого далее узко-тюремных пределов органа, которому он сам незадолго до этого придумал ироническое прозвище, несколько неудобное, чтобы его здесь приводить.



Я же полагаю, что указанное выступление нуждается в подлинной огласке, не вследствие общественного значения личности Л. Краснопевцева, но поскольку оно затрагивает весьма важные юридические, этические, общественные проблемы, а равным образом касается событий, упорно замалчиваемых долгие годы. Посему направляю вам копии семи документов.

Леонид Рендель

20. 8. 71 г.

Конаково. Главпочта. До востребования.  
Москва. 117421, ул. Новаторов, д. 40, корп. 6, кв. 36.  
(132-32-43)

*Выступление против партии  
есть измена коммунизму и революции*

В 1957 году я был арестован и затем осужден за преступление, состоявшее в создании и активном участии в действиях молодежной нелегальной группы, выступившей против партии и государства.

В момент своего ареста я был аспирантом кафедры истории КПСС Московского университета. До этого, в 1952 году окончил университет, работал учителем истории, был на комсомольской работе, в 1955 году вступил в партию.

Мой выход в жизнь совпал с началом трудного и сложного периода борьбы всей страны с последствиями культа личности и субъективизмом, борьбы за очищение и укрепление коммунизма.

Я имел неплохие теоретические знания коммунизма, но они не перешли в мировоззрение и характер из-за отсутствия собственного социального опыта: моя молодость прошла в школе и университете, я не работал сам на производстве, не жил в рабочей среде, не знал и не понимал ее. Формализм и догматизм, широко тогда распространенные, отталкивали меня под влияние старой интеллигентской идеологии «чистой мысли», с пережитками которой приходилось много сталкиваться.

Моим мировоззрением оставался юношеский эмоциональный романтизм студенческих лет, политически неопределенный и неустойчивый. Несформировавшийся еще характер был лишен тех черт, кото-

рые дают глубокое жизненное проникновение в коммунизм — твердости, стойкости, закаленности. Поэтому резкий переход от старых приглашенных представлений, когда строительство социализма казалось простым и ясным делом, к открывшимся в 50-ые годы картинам суровой реальности в прошлом и настоящем, оказался мне не по силам, стал скоро вызывать чувство безысходности, разочарования, а затем появилось и стремление выйти, в поисках выхода, за пределы коммунизма.

Захваченный и поглощенный борьбой с культом личности и субъективизмом, его продолжавшим, я ничего не видел кроме нее, не видел, что пользуясь трудностями перестройки коммунизма, западный буржуазно-интеллигентский либерализм уже развернул всестороннее, невиданное по размерам наступление, стремясь влезть внутрь коммунизма и размыть, разложить его изнутри.

Не выдержав усилившегося давления буржуазной идеологии, утверждавшей, что коммунизм не в состоянии сам преодолеть свои трудности, я принял за истину ее мысль о необходимости объединения коммунизма с либерализмом и попытался практически провести его в написанных мною работах по истории нашей революции и экономике социализма.

Конкретно сама идея «объединения» потребовала от меня поставить большевизм по существу на одну доску с меньшевизмом и эсеровщиной, отмечать их «ценные стороны» и поставить вопрос о положительной роли либеральной буржуазии и ее партий, о том, что не разрыв с ними большевиков и народа, а сотрудничество было единственным выходом для революции. Эти и другие утверждения означали отказ от сущности коммунизма — диктатуры пролетариата и социалистической революции. Объединение с ли-

берализмом оказалось прикрытием отказа от коммунизма.

Не все, конечно, было написано в этом духе, но он преобладал. Одновременно с ростом таких настроений, исчезла близость с партийно-комсомольской средой, в которой я провел много лет, началось сближение с теми, кто, как позже стали говорить, долгие годы жил во внутренней эмиграции и ждали.

В 1957 году по моему предложению была создана нелегальная группа. Члены организации были связаны своей дисциплиной и ставили целью выработку своей идеологии, отличной от идеологии партии и объединяющей, т. е. подменяющей коммунизм либеральной демократией, и распространение своих взглядов в созданных для этой цели нелегальных молодежных кружках и другими способами. Были установлены нелегальные заграничные связи с группой ревизионистов и обмен с ними литературой, были выпущены и распространены листовки. Во всей своей деятельности группы я принимал самое активное участие, был автором основных ее нелегальных работ и инициатором ее действий.

Моя и моих товарищей нелегальная деятельность имела не просто узкоограниченный, конкретный смысл и цель, она вылилась в выступление против самого принципа партии, воплощающего сущность и закономерность социалистического общества, в выступление против самого нашего общества и государства.

Я не хочу объяснять свои личные побуждения и стремления, оправдывать свои ошибки прошлого отсутствием личной корысти, говорить о разнице между субъективными желаниями и объективными результатами своих действий, о положении в то время.

Это все и так ясно. Сейчас нужно сказать следующее.

Были совершены не просто ошибки. Эти ошибки в разгар острой борьбы, среди настойчивых атак врагов и колебаний неустойчивых означали измену коммунизму.

Отход от ленинизма даже небольшой группы людей и тем более их активное выступление против партии открывало если не дорогу, то щель внутри нашего общества, через которую он получил возможность просачиваться и влиять на какое-то количество неустойчивых и колеблющихся людей. Поэтому никакие самые тяжелые и противоречивые обстоятельства не могут оправдать выступление против партии, как никогда не может быть объяснена и оправдана измена.

Я должен признать свою связь в прошлом с откровенно перерожденческими элементами. В число своих союзников по 57-ому году, которым я облегчил выполнение их зловещей задачи впоследствии, мне приходится включить и известных представителей антикоммунизма Синявского и Даниэля.

Прошло 10 лет после 57 года. За эти 10 лет выяснилось еще раз (и наше поколение увидело это своими глазами), что буржуазно-интеллигентский либерализм в любых (рациональных и мистически-религиозных) его формах есть слуга, щит империализма и смертельный враг коммунизма.

После долгих поисков и я нашел себя и пришел полностью после 1964 года к коммунизму. Но тяжелый груз моей личной внутренней вины перед людьми, борющимися и умирающими за коммунизм, за его великие принципы, продолжает лежать на моей совести и не дает забыть о себе. Лишь восстановленные связи с партией на деле, а не только, как сей-

час, в мыслях, может снять тяжелый груз вины. Я верю, что рано или поздно это произойдет.

*Л. Краснопевцев.*  
Подразделение, где начальником  
Г. П. Корольков  
(«За отличный труд»,  
7 июня 1967 г. № 21/646).

## II

*Начальнику Дубравного ИТЛ полковнику  
Громову  
Копия: Первому секретарю Мордовского  
обкома КПСС  
Копия: Министру охраны общественного  
порядка*

9 июня 1967 г. при переводе на камерный режим я подписал постановление, мотивирующее данные действия, т. е. перевод меня на камерный режим.

Прошу копию данного документа переслать по адресу: Москва, ул. Чернышевского, д. 3. Юридическая консультация, адвокату Когану Э. М.

По этому же адресу прошу выслать и копию мотивированного постановления с ходатайством об административном надзоре надо мной. Напоминаю, что подобное постановление мне не предъявлялось.

В случае отказа прошу сообщить причины и ответ направить по адресу моей матери: Москва, Ж-35, ул. Осипенко, д. 36, кв. 12. Рендель Г. А.

Л. Рендель

1. 12. 1967 г.

### III

*Гр-ке Рендель Г. А.,  
проживающей по адресу:  
Москва, Ж-35, ул. Осипенко, д. 36, кв. 12,  
гор. Москва*

Прошу Вас сообщить Вашему сыну Рендель Леониду Абрамовичу, что требуемые им копии постановлений выслать не можем, так как данные документы не выдаются.

Начальник Управления п/я ЖХ-385  
Громов

15. 12. 67 г.

### IV

*Прокурору г. Москвы*

Как стало известно, Краснопевцев Лев Николаевич, осужденный в феврале 1958 г. вместе со мной на один срок по ст. 58<sup>10</sup> УК РСФСР, прописан в Москве.

Прошу сообщить:

1. Соответствует ли эта информация действительности?
2. Если да, то на каких основаниях предоставлена Л. Краснопевцеву московская прописка?

20. 2. 1968 г.

Л. Рендель

Адрес: Калининская обл. Конаковский район, пос. Ново-Мелково, ст. Завидово, ул. Садовая, д. 20.

## V

*Гражданину Рендель Л. А.*

Калининская область, Конаковский район,  
ст. Завидово, пос. Ново-Мелково, ул. Садо-  
вая, д. 20

Ваше заявление от 20 февраля 1968 года прокуро-  
ру г. Москвы рассмотрено. Сообщаю, что Краснопев-  
цеву Л. Н. временная прописка разрешена в гор.  
Москве начальником УООП\*) Мосгорисполкома.

Начальник 2 отделения милиции  
г. Москвы подполковник милиции  
(Всеволодов)

27. 3. 1968 г. Р-4

## VI

В условиях социализма каждый выбывший из тру-  
довой колеи человек может вернуться к полезной  
деятельности

### ЗА ОТЛИЧНЫЙ ТРУД

Издание политического отдела

№ 39

5 апреля 1968 г.

*Гражданину Ренделю Л.*

Вы обратились с просьбой в редакцию многоти-  
ражной газеты «За отличный труд» опубликовать

---

\*) УООП — Управление охраны общественного порядка.  
— Р е д.



ответную статью на статью Л. Краснопевцева «Выступление против партии есть измена коммунизму и революции», при этом статью в редакцию не послали. Поэтому дать Вам положительный ответ редакция не может. К тому же, если статья будет носить полемический характер, а не воспитательный, то не будет смысла публиковать ее, так как автор ранее опубликованной статьи Л. Краснопевцев освобожден из мест лишения свободы, а газета за пределы исправительно-трудового учреждения не распространяется.

Редактор газеты  
«За отличный труд»  
(А. Терехов)

## VII

Статья Леонида Ренделя,  
не отосланная в редакцию газеты  
«За отличный труд» ввиду  
«несоответствия воспитательным целям»

*Китайцы это называют  
«Растирать грязь на лице»*

В то время как Л. Н. Краснопевцев публиковал в газете свою статью «Измена коммунизму и революции», я, осужденный с ним по одному делу, Леонид Рендель, был водворен на камерный режим в штрафной изолятор, откуда довольно трудно вести полемику. Такова специфика лагерной «общественной жизни». Она тем более любопытна, поскольку за несколько дней до перевода меня на изолятор

подполковник Осипов, заместитель начальника управления п/я ЖХ-385 по политчасти, ознакомил меня с упомянутой статьей прежде ее «появления в печати».

Как бы то ни было мой ответ запоздал, но лучше поздно, чем никогда.

До 1953 г. Л. Н. Краснопецев исповедовал ортодоксальный сталинизм. С 1953 по 1957 г. радикально изменил свои взгляды. На суде отрекся от них, «чистосердечно покаявшись». В лагере тотчас взял раскаяние назад, о чем многократно делал устные и письменные заявления товарищам и официальным органам в самой высшей инстанции.

Можно менять взгляды, уточняя и развивая их. Можно изменить их однажды на 180 градусов. Но нельзя с претензией на искренность вертеться словно флюгер на ветру.

Можно запутаться в сложных идеологических, политических проблемах, но нельзя не видеть элементарных фактов. Л. Н. Краснопецев в 1960 г. называл методы следствия и суда «необериевскими». Документально засвидетельствовал отказ от всех своих показаний как вынужденных. Теперь он забыл об этом, как «забыл», что суд над нами осуществлялся закрыто, т. е. с прямым нарушением ст. 111 Конституции СССР\*).

Краснопецев молчит о том, что «зарубежные ревизионисты» — это польские коммунисты и комсомольцы, которые группировались вокруг известного польского журнала «Попросту» и его редактора Лясоты — депутата Польского сейма 1957 года. Никто из этих лиц не подвергался уголовному преследо-

---

\*) Статья 111 — Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту. — Р е д.

ванию в Польше, не привлекался к нашему делу в качестве свидетелей.

Понося «буржуазный либерализм», Краснопевцев «забывает», что представителями последнего являются концерн «Фиат», Ф. Д. Рузвельт, братья Кеннеди, Д. Неру, И. Ганди, Ж. П. Сартр, Мартин Лютер Книг и многие другие политические и общественные деятели, чья деятельность официальными советскими властями неоднократно оценивалась как «положительная» и «прогрессивная».

Может быть, выступление Краснопевцева за три месяца до конца срока заключения есть доказательство искренности? В это поверит только тот, кто не знает, какая судьба ждет бывшего политзаключенного по освобождению. Краснопевцеву же отлично известно, что такое «паспортный режим», «административный надзор». Известно и многое другое.

8 человек, кроме Краснопевцева, получили свирепый судебный приговор по нашему делу. Еще большее число лиц имело серьезные жизненные осложнения. Уже в сентябре 1967 г. Краснопевцев мог встретиться со всеми теми, кого по собственному утверждению увлек за собой как «вождь». Честный человек именно и должен был первым поведать о своих «новых» взглядах. Вместо этого Краснопевцев поспешил высказаться в тюремной газете, обильно наполненной «корреспонденцией» бывших бериевцев или тех, кто когда-то носил повязку со свастикой, а ныне носит красную повязку, распевая «Бухенвальдский набат», «Ленин всего со мной», «Партия — наш рулевой».

С циничным пренебрежением ко всем и вся, кроме себя, он выдал документ, который должен «подтвердить» (но полугласно) обвинения, выдвинутые против многих людей.

Однако, признав себя и других «тяжкими преступниками», Краснопевцев тут же это отрицает, ибо отрицает субъективно вражеские намерения. И он, и его «цензоры» так запутались в своих хитросплетениях, что «упустили маленькое обстоятельство» — по ст. 58<sup>10</sup> (70) нет состава преступления без субъективного умысла.

И действительно, неужели Уголовный кодекс и паспортный режим, колючая проволока и конвой с автоматами, собаками — есть способ преодоления конфликта, возникшего на базе «чисто идейных заблуждений»? Неужели в эпоху атома и космоса титула «особо опасного государственного преступника» заслуживает «романтический альтруист», чьи «ужасные» деяния заключались в распространении идей, а «идейные заблуждения» проистекали из официально осужденных ныне пороков «культа и субъективизма», и почему сей «альтруист», выросший в советских условиях, получивший «прекрасное марксистское образование», столь долгие годы блуждал в потемках? Может быть, мы имеем чересчур затянувшуюся инфантильность при крайней скудости разума? Однако Краснопевцев продолжает поучать и рассуждать, осуждать и «теоретизировать».

## ПРИЛОЖЕНИЕ

*Председателю Президиума Верховного  
совета СССР Н. В. Подгорному  
Копии в газеты «Правда» и Известия»*

В 1958 г. я был осужден по делу группы Московского университета (ст. 58<sup>10</sup><sup>11</sup> УК РСФСР), 30 августа 1967 г. отбыл срок.

Я — москвич, в Москве проживает престарелая мать (69 лет, больная гипертонией, осложненной атеросклерозом), жена, друзья. Тем не менее, вернуться в родной город мне не разрешено.

С приговором я не согласен, но даже он не содержит ограничений в гражданских правах, в том числе в праве свободного выбора места жительства. В Уголовном кодексе не сказано, что осужденные по статье 58<sup>10</sup> — а по нынешнему аналогу 70 — подвергаются дополнительному наказанию в виде запрещения жить в Москве, Ленинграде, Киеве и др. крупных городах.

Таким образом, единственным юридическим основанием для отказа в московской прописке является «Положение о паспортах», которое все граждане должны соблюдать, но содержание которого полностью им не известны: только десять статей приводится в извлечении в паспортах.

После долгих лет тюрьмы, страданий, разлуки с семьей люди не могут вернуться в родные места, в свой дом, к близким и друзьям. Они вынуждены жить по чужим углам, конфликтовать с милицией. Троекратное нарушение паспортного режима, вызванное простым человеческим стремлением вернуться туда, где родился и вырос, составляет новое уголовное дело.

Считаете ли Вы, что все это способствует «быстрейшему трудо- и бытоустройству бывших заключенных, их скорейшему возвращению к нормальной жизни?»

Правильно ли с Вашей точки зрения, что степень тяжести уголовного наказания у нас зависит от того, где имел счастье или несчастье родиться и жить осужденный?

Соответствует ли принципам социалистической законности существование негласных «Положений», которым тем не менее должны подчиняться все граждане по одному слову работников милиции? Если эти документы не секретны, то можно ли с ними познакомиться и где? Названный выше документ утвержден 21 октября 1953 г. Не считаете ли Вы, что пришло время пересмотреть этот документ, утвержденный за три года до XX съезда КПСС?

С 1966 г. важным дополнением к статье 70 становится «Положение об административном надзоре», которое позволяет административным путем расширить первоначальный судебный приговор. Не кроется ли здесь опасность восстановления сталинского метода подмены суда «комиссиями» и «особыми совещаниями»?

Эти вопросы носят отнюдь не риторический характер. Как гражданин своей страны я хотел бы получить компетентное разъяснение главы государства.

Прошу данное письмо вместе с ответом опубликовать в центральной прессе.

Л. Рендель

20 февраля 1968 г.

## ИНДЕКС ИМЕН

- Авторханов 36  
Александрович Р. 16, 40, 52  
Алексянц А. К. (прокурор) 18  
Алтунян Г. 41  
Альтман А. 13, 16  
Амальрик А. 36  
Андропов (пред. КГБ) 32  
Антонов М. 47  
Архипов А. И. (сотр. И-та экономики) 14  
Ахматова А. 25, 34, 48
- Бардов П. П. (раб. КГБ при СМ СССР) 14  
Белогородская И. 61  
Бенедек А. (поэт, псевд. Штумпф) 37  
Бердяев Н. 60  
Берестовский (ст. след. КГБ) 30  
Бетман И. Б. (адвокат) 18  
Богдановский А. С. 61  
Бондарь Н. 14  
Бодня М. 16  
Бойченко В. Ф. 18  
Борисов В. 9, 38, 39, 40, 64  
Бородин Л. 14  
Бояркин (сотр. след. отдела КГБ при СМ СССР) 57, 62
- Брежнев Л. И. 23, 31 33, 65  
Брехт (см. Себрехтс)  
Бродский И. 60  
Брюсов В. Я. 59  
Брянцев К. («Изв.») 12, 24, 90, 95  
Буланов (сотр. следотдела КГБ при СМ СССР) 57, 62  
Буковский В. К. 7, 8, 9, 10, 11, 24, 64, 74  
Буковская Н. И. (мать) 7  
ван Брантегем В. 92  
де Би Р. 91, 92, 97, 101
- Винокуров Е. (поэт) 48  
Вишневецкая Ю. 42  
Волошин А. 16  
Вольпин А. С. 25, 46, 69, 82  
Волков (ген.-лейт., нач. следотдела КГБ в Москве) 67, 72, 86, 98  
Всеволодов (полковник 2-го отделения милиции в Москве) 111  
Вудка В. 13  
Вудка Ю. 13
- Гагарский В. В. (ст. след. Мособлпрокуратуры) 32  
Гаврилов Г. В. 14, 15

- Галансков Ю. Т. 14, 15  
 Галич А. 25, 34  
 Гальперин А. 16  
 Ганди И. 114  
 Гаркушов (нач. лагеря ЖХ-385/17-а) 27  
 Гаухман В. А. 22, 23  
 Гиров К. Р. (секрет. Шведской Академии) 6  
 Глазов Ю. 45  
 Гольдфельд А. 16  
 Горбаневская Н. 9, 36, 41  
 Григоренко П. Г. 9, 36  
 Гримос С. 14  
 Громов (полковн. нач. Дубравн. ИТЛ) 109, 110  
 Гусаров В. 52  
  
 Даниэль Ю. 34, 108  
 Дженнер Ф. А. (проф.) 9  
 Додуев Е. И. (судья) 18  
 Дрейзнер С. 15  
 Дремлюга В. 41  
  
 Емелькина Н. 24, 42  
 Ефимов Б. В. 48  
  
 Жовтис А. 35  
  
 Заблоцкая Т. 18  
 Зайко (капитан Моск. райотдела милиции) 42  
 Залмансон С. 14, 16, 53  
 Залмансон В. 15  
 Залмансон И. 15  
 Занд М. 64  
  
 Здебскис Ю. 24, 30, 31  
 Зорин В. В. 22  
  
 Иванов Н. В. 14, 15  
 Иванов (сотр. следотдела КГБ при СМ СССР) 57, 62  
 Иванов А. И. (работник аппарата ЦК) 19, 20, 21  
 Иванов (прокурор Павлодарской области) 35  
 Иванов Ю. (худ.) 40  
  
 Кадыев Р. 40  
 Калик М. 21  
 Каминский Л. 16  
 Каплунов Б. Г. 57, 62  
 Капранов М. 13  
 Караванский С. 17  
 Карташев (сотр. следотдела КГБ при СМ СССР) 72  
 Кассен Р. 63, 68, 81 84  
 Каширский (сержант МВД) 27  
 Квачевский Л. 13  
 Кекилова А. 32  
 Кенингсон А. 35  
 Кеннеди (братья) 114  
 Кинг Мартин Лютер 114  
 Кижнер Х. 16  
 Киреевские (братья) 47  
 Киселев 36  
 Ковач В. (гл. СП) 37, 38  
 Коган Э. М. (адвокат, Москва) 109



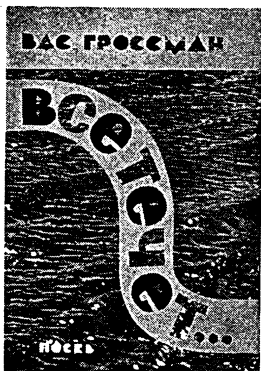
- Козлов (лейт., Следотдела) 76, 78  
 Кольчик С. 29  
 Коренблит Л. 16  
 Корольков Г. П. (МВД) 109  
 Коршон 81  
 Косачев А. И. (доцент МГУ) 14  
 Красин В. 41  
 Краснопевцев Л. Н. 103-115  
 Кружилин Ю. (журналист в Самарканде) 18, 19  
 Кручинин В. Г. (другинник г. Москвы) 76, 78  
 Кудирка С. 15, 26  
 Кузнецов В. 9  
 Кузнецов Э. 16  
 Кузнецова З. В. (мать) 16  
 Кукуй В. 26  
 Купин В. 40  
 Кутищев А. Д. 18  
  
 Левит С. 15  
 Левитин-Краснов А. Э. 41  
 Ленин В. И. 59, 114  
 Леонтович М. (академик) 7  
 Линда М. А. (адвокат) 39  
 Лисовский Ежи 44  
 Лунынис А. И. 30  
 Лясота (ред. польского журнала «Попросту», депутат польского сейма) 113  
 Майо Р. 24  
 Максимов В. Е. (писатель) 7  
 Мандельштам О. 25, 49  
 Медведев Ж. 12, 43  
 Медведев Р. А. 25, 42, 43, 49  
 Медведь П. 29  
 Менделевич И. 14, 16, 27  
 Михеев Д. 26  
 Могилевер В. 15  
 Мороз В. 50  
 Морозов Г. (дир. И-та им. Сербского) 7  
 Мурженко А. 16  
 Мюге С. Г. 32, 37  
  
 Некрасов И. («Крымская правда») 17  
 Нездийминога Н. А. 18  
 Неру Д. 114  
 Николаев (КГБ) 32  
 Ниязов М. 34  
 Новодворская В. 12  
  
 Обнорский В. И. 18  
 Овчинников (полковник МВД, ОБИР) 19  
 Одабашев Энвер 33, 34  
 Окуневская И. А. 57, 62  
 Опанасенко 36  
 Осипов В. 48, 52  
 Осипов А. (нач. учр. ЖХ 385, Дубровлаг) 16  
 Павленков В. К. 15

- Палатник Р. 25, 26, 48, 49  
 Пастернак Б. 38  
 Пастух О. 28, 29  
 Первомайская Е.  
 («Крымская правда») 17  
 Петренко И. («Знамя коммунизма») 17  
 де Перрего Ф. 26  
 Пименов Р. И. 43, 44, 58, 61  
 Платонов (полков. МВД) 27  
 Подгорный Н. В. 115  
 Помпиду Ж. 23  
 Помпиду (жена) 7  
 Пономарев Г. Е. 18  
 Порывай (адвокат) 35  
 Прокуров (поэт) 34  
 Прохоренко (след. КГБ) 30  
 Пэнсон Б. 16  
  
 Рабинович (врач И-та им. Сербского) 39  
 Раусов (адвокат) 36  
 Рендель Л. 48, 104-117  
 Рендель Г. А. (мать) 109, 110  
 Ригерман Л. 100  
 Рипс И. 41  
 Роде Г. 14  
 Родыгин А. 13  
 Романов А. 13  
 Ронкин В. 13  
 Рубцов Н. 48  
 Рузвельт Ф. Д. 114  
 Сартр Ж. П. 5, 44, 114  
 Сахаров А. Д. (академик) 7, 8, 26, 30, 36, 49, 62, 65  
 Себрехтс Х. (также Брехт и Зебрехтс Х.) 67-75, 79-101  
 Севастьянов (майор, ст. след. Спецотдела) 72, 73, 76, 80, 87, 101  
 Севрук В. 11  
 Семенов М. П. 40  
 Сеидова О. (мать Кекиловой А.) 32  
 Сидоров В. (поэт) 48  
 Симокайтис В. 15  
 Синявский А. 108  
 Скобелев (ген.) 47  
 Слишевский И. Н. 18  
 Смирин И. 35  
 Смирновский Г. 47  
 Снежневский А. В. (проф. дир. И-та психиат. АМН СССР) 12  
 Солженицын А. И. 5, 6, 34, 43, 59  
 Соколов (ст. лейт., след. Следотдела) 57, 76, 78  
 Соколов (секретарь МГК КПСС) 14  
 Спайсер Л. 68, 81, 84  
 Статкявичус А. 11  
 Столе Н. К. (пред. Нобелевского фонда) 5, 6  
 Строкатая Н. А. 17  
 Строева Е. 64

- Ступенюк Н. А. 29
- Тарасов 14
- Твардовский А. 34
- Твердохлебов 49
- Телесин Ю. З. 61
- Тельников В. 42
- Терехов А. 112
- Титов Ю. 64
- Тихомиров (нач. канцелярии ЦК) 19
- Ткачев В. 40
- Топорнин Б. Н. (д.-р юр. наук) 14
- Трахтенберг Э. 18, 19
- Турчин В. Ф. 49, 59
- Тэн (судья, зам. пред. Павлодарского обл. суда) 35
- Файнберг В. 9, 38, 39, 40, 64
- Федоров Ю. П. 15, 16
- Фин Р. Т. 32, 35, 36, 37
- Фин (жена) 37
- Фунтов (сотр. прокуратуры СССР) 14
- Хавинсон С. Я. 22
- Хахаев С. 13
- Хемскот Жозеф (также Хомсхоте Йоми) 91, 93, 94, 95
- Хнох Л. 16
- Хориков (лейт., сотр. Следотдела) 57, 62, 76, 78
- Хрущев Н. С. 50
- Цлаф Л. Я. 22
- Цукерман Б. И. 59
- Чаковских В. П. 18
- Чалидзе В. Н. 24, 25, 27, 28, 31, 46, 49, 55-101
- Чердынцев И. 13
- Чеховский А. 14
- Чуковская Л. К. 25, 48, 49
- Шафаревич И. 8
- Шафер Наум 34, 35
- Шафер Лазарь (брат) 35
- Шевяков Е. А. (дружник г. Москвы) 76, 78
- Шепшелович М. 13, 16
- Шешквявичюс А. (свящ.) 31
- Шилькрот Б. 13
- Шакальская А. А. 42, 43
- Шолохов 5
- Шпильберг А. 16
- Штейн 35
- Штильбанс В. 41
- Штумпф (см. Бенедек А.) 37
- Шукарев (зам. мин. внутр. дел. генерал) 19
- Шур Г. 14, 16
- Щелоков Н. А. (мин. внутр. дел) 27, 64
- Юзепчук (майор, ст. след. Следотдела КГБ) 57, 62, 63, 66, 74

Ябласкус 11  
Ягман Л. 16  
Якир П. И. 23  
Якобсон А. 58  
Якувенко Н. И. 18

Ярьско (следователь  
Львовского УКГБ) 29  
Ярринг Г. (посол Шве-  
ции в СССР) 6  
Яхимович И. 9



**Вас. Гроссман**

# **Все течет...**

Социально-  
критический  
роман, вышедший  
в Самиздате

**Автор нашумевшего романа «За правое дело»**

**В своем романе Вас. Гроссман развенчивает  
культ личности Ленина**

**Обложка работы художника Н. И. Николенко**

**В книге — 208 стр.**

**Цена в твердом переплете — 18.80 н. м.,  
в мягком — 15.50 н. м. В США и Канаде  
— 6.30 ам. дол. и 5. 20 ам. дол.**

## **СОДЕРЖАНИЕ ДЕВЯТИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ВЫПУСКОВ «ПОСЕВА»**

### **Первый специальный выпуск (Распродан)**

Хроника текущих событий. Выпуски 1 - 6.

### **Второй специальный выпуск**

Хроника текущих событий. Выпуски 7 - 9.

### **Третий специальный выпуск**

Хроника текущих событий. Выпуски 10 и 11. — Дело Ю. В. Мальцева (6 документов об отказе от советского гражданства и желании выехать из СССР).

### **Четвертый специальный выпуск (Распродан)**

Хроника текущих событий. Выпуски 12 и 13. — Сокращенная запись судебного процесса Ильи Бурмистровича. — Письмо жены И. Бурмистровича Ольги Кислиной прокурору г. Москвы.

### **Пятый специальный выпуск**

Хроника текущих событий. Выпуск 14. — О процессе Л. Квачевского. — Институт имени Сербского используется для политических репрессий (3 документа). — Дело Г. О. Алтуняна (2 документа). — О некоторых выступлениях бывшего полковника КГБ Льва Василевского. Автор Л. Анти-Терасов.

### **Шестой специальный выпуск**

Хроника текущих событий. Выпуски 15 и 16. — Добавление к «Хронике». — Документы о преступлении против человечности (6 писем-обращений к Ко-

митету защиты прав человека ООН от крымских татар) — Преступление и наказание. Выпуск 2. (О нравах палачей-чекистов). — Пакт о гражданских и политических правах и советское законодательство. Автор А. С. Вольпин.

### **Седьмой специальный выпуск**

Исход. Выпуски 1 и 2. — Групповые обращения (4 документа). — Ленинградский процесс (4 документа). — Еврейский вопрос в СССР. Тезисы.

### **Восьмой специальный выпуск**

Хроника текущих событий. Выпуски 17 и 18. — Приложение к «Хронике» № 17. — Bravo, товарищ Толстиков! Автор Евг. Смирнов. — Обращение рабочих г. Выжгорода в ЦК КПСС.

### **Девятый специальный выпуск**

Хроника текущих событий. Выпуски 19 и 20. — Репрессированные в 1960-х годах. — Критика Л. Богораз советских законов (2 письма депутатам Верховного совета). — Пытки продолжаются. Обращение И. А. Кандыбы в Комиссию прав человека ООН.

**Заказы на оставшиеся в ограниченном количестве  
Специальные выпуски «Посева» принимает изда-  
тельство «Посев».**

Цена номера 5 н. м. плюс пересылка.

«— Почему до сих пор не издан роман Бека «Новое назначение»? Лучшие, самые опытные литераторы высказались за издание книги Бека...» (В. Каверин. Запись обсуждения «Раковского корпуса» на заседании Московской писательской организации 17. 11. 68)



**Александр Бек**

# **НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ**

*Роман о сталинском  
правлящем классе*

Большой формат, 234 стр., твердый переплет с золотым тиснением, худож. суперобложка. Цена 18.80 н. м.

В США — 6.30 дол.

---

---

# ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

Издает: общественно-политический журнал «ПОСЕВ» (12 выпусков в год), брошюры «ВОЛЬНОЕ СЛОВО. Самиздат. Избранное. Документальная серия» (6 в год), литературно-публицистический журнал «ГРАНИ» (4 раза в год), брошюры и книги на русском, немецком и других языках.

При издательстве — книжный склад.

## АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИЙ:

POSSEV · D-6230 Frankfurt/Main 80 · Flurscheideweg 15  
Телефон: (0611) 34 12 65 · Телераф: posseverlag frankfurtmain

## Почтовое и банковское konto:

Postscheckkonto 33461, Frankfurt/Main.  
Bankkonto: Nassauische Sparkasse 161 001 163, Frankfurt/M.

---

## УСЛОВИЯ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

Общая подписка — «Посев» и 6 брошюр «Вольного слова»: в Европе — 60 н. м., в США и Канаде — 36 ам. дол. (воздухом или 27 ам. дол. (простой почтой).

«Посев»: в Европе — 40 н. м., в США и Канаде — 24 ам. дол. (воздухом) или 18 ам. дол. (простой почтой).

«Грани»: в Европе — 30 н. м., в США и Канаде — 10 ам. дол.

## УСЛОВИЯ ГОДОВОЙ ПОДПИСКИ ЧЕРЕЗ МАГАЗИНЫ ИЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Общая подписка — «Посев» и 6 брошюр «Вольного слова»: в Европе — 72 н. м., в США и Канаде — 40 ам. дол. (воздухом) или 31 ам. дол. (простой почтой), в Австралии — 27.50 ав. дол. (воздухом).

«Посев»: в Европе — 48 н. м., в США и Канаде — 27 ам. дол. (воздухом) или 21 ам. дол. (простой почтой), в Австралии — 18.30 ав. дол. (воздухом).

«Грани»: в Европе — 36 н. м., в США и Канаде — 12 ам. дол. Стоимость подписки в неевропейских странах, кроме США, Канады и Австралии, простой почтой — та же, что и в Европе; авиапочтой — с доплатой за пересылку.

---

«ВОЛЬНОЕ СЛОВО. Самиздат. Избранное. Документальная серия»: цена 6 н. м., в США и Канаде — 2 ам. дол.

При годовом заказе на серию — пересылка за счёт издательства. В общей подписке с «Посевом» по льготной цене.

---

---



## СОДЕРЖАНИЕ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ, выпуск 22	3
О вручении Нобелевской премии	
А. И. Солженицыну	5
Дело Владимира Буковского	7
К международному съезду психиатров	9
Вести из Мордовских лагерей и Владимирской тюрьмы	13
По материалам областных газет	16
Движение за выезд в Израиль	19
Обращение в защиту прав человека	23
Краткие сообщения	28
Новости Самиздата	44
Письма и заявления	49
В. Чалидзе	
«Ко мне пришел иностранец»	55
«Духовное прозрение» Льва Краснопевцева	104
Индекс имен	118